

Шарлотта Джонс "HUMBLE BOY"
перевод Ольги Варшавер и Татьяны Тульчинской (Ланге)
+7 916 1539224, ovarshaver@gmail.com, tula888@yahoo.com

Шарлотта Джонс

СОЛНЦЕ ИЗ УЛЯ

ПЕРЕВОД

ОЛЬГИ ВАРШАВЕР и ТАТЬЯНЫ ТУЛЬЧИНСКОЙ

Действующие лица:

ФЛОРА ГАМБА, вдова	- 60 лет
ФЕЛИКС, ее сын, астрофизик	- 35 лет
МУРСИ (Мурзик), ее подруга	- 60 лет
ДЖОРДЖ КОРРОВА, ее любовник	- 60 лет
РОЗИ, его дочь, медсестра	- 35 лет
ДЖИМ, садовник	- 60-70 лет

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Сцена 1

Место действия – красивый загородный сад. Угадывается часть дома, возможно, застекленная веранда, через которую хозяева попадают в сад. Сразу у веранды маленький внутренний дворик, украшенный подвесными корзинами с цветами. В сад уходит петляющая дорожка.

В дальнем углу сложен разнообразный садовый инвентарь, там же низкая рабочая табуретка и свернутый в кольцо поливальный шланг.

Небольшая лужайка с бордюром. Розовый куст. Сбоку гамак. Под деревом садовый диванчик для двоих. В глубине сада большой улей. Как-то обозначена яблоня, например, видны ветви – в первом акте с цветами, во втором с яблоками.

На сцене темно. Слышится музыка, что-то вроде "Полета шмеля".

Улей освещается пульсирующим светом – кажется, что оттуда вылетают пчелы. Постепенно из темноты проступает весь сад.

Музыка продолжает звучать, на улей направлен мигающий луч.

Неверной походкой, спотыкаясь, из дома в сад выходит Феликс. Он завороченно разглядывает улей. Ему лет тридцать пять, он грузен, но не лишен обаяния. На нем сильно поношенные – в прошлом белые – спортивные штаны и футболка, однако за спортсмена его не примешь ни при каких обстоятельствах. Он взбирается по ступеням к улью, снимает крышку, заглядывает. Музыка стихает.

Следом в сад выходит Мурси – миниатюрная, застенчивая, бесцветная женщина лет под шестьдесят. На ней черное платье и коричневые туфли. Она озабоченно поглядывает на Феликса. Направляется к нему, но близко не подходит. Феликс бросает на нее взгляд, затем снова поворачивается к улью.

ФЕЛИКС: (заикаясь на букве "п") А п-п-пчёл не осталось ни одной...

МУРСИ: Что поделаешь... Пойдем в дом, детка?

ФЕЛИКС: Всех п-пчёл забрали.

МУРСИ: Мамочка зовет. Не бойся, она не сердится.

ФЕЛИКС: Сам видел: п-ришли четверо. В белых балахонах.

МУРСИ: Скажи ей, мол, виноват – она и простит...

ФЕЛИКС: Как астронавты.

МУРСИ: У нас в саду – астронавты?

ФЕЛИКС: Или космонавты. Будь наш сад в другой стране.

МУРСИ: Почему вдруг наш сад – в другой стране?

ФЕЛИКС: В России, например.

МУРСИ: В России? А как она теперь называется?

ФЕЛИКС: Мурзик, ты чего? Россия – она и есть Россия.

МУРСИ: Да у них там то Советы, то вообще невесть что. А теперь – опять Россия? Не уследишь... Ты шел бы, мамочка ждет.

Феликс закрывает крышку улья, медленно и неуклюже спускается по ступеням.

ФЕЛИКС: Ты лучше скажи: как назвать пчеловодов, когда их много?

МУРСИ: Ой, это загадка? Не умею я разгадывать.

ФЕЛИКС: Просто слово вспомни. У коров – стадо, у лошадей – табун, у овец – отара, у обезьян – семья...

МУРСИ: У обезьян семья? Никогда бы не подумала...

ФЕЛИКС: А у пчеловодов?

МУРСИ: Не помню. Ну, подскажи!

ФЕЛИКС: А у астронавтов что?

МУРСИ: Пойдем в дом, детка, – там и вспомним.

ФЕЛИКС: Должно быть такое словечко... Сказал – и сразу ясно, что они все в белом. Парят. И ни звука.

МУРСИ: Мамочка наша одна с гостями – нехорошо...

ФЕЛИКС: Я должен вспомнить слово.

МУРСИ: Пойдем к ней, поможем...

ФЕЛИКС: (*решительно*) Никуда не пойду, пока не вспомню! Думай. У п-пчел – рой. А у п-пчеловодов? У астронавтов? Есть же слово, точно есть. Я должен вспомнить! Давай рассуждать логически. Являются четыре пчеловода. В белом. И забирают пчел.

МУРСИ: Может – сонм?

ФЕЛИКС: Как ты сказала?

МУРСИ: Сонм! Бывает сонм ангелов, а у нас будет сонм пчеловодов. И астронавтов. По-моему, складно. (*испуганно оглядывается, видит, что из дома вышла Флора*) Прощу тебя, идем!

ФЕЛИКС: Ангелы? Ну уж нет. Скорее, черти. Четыре всадника апокалипсиса... Посланники преисподней... Целая свора... Свора пчеловодов!

МУРСИ: Свора – вот и славно! Вспомнили слово – теперь пойдем.

К ним подходит Флора. Ей под шестьдесят, она красива и выглядит гораздо моложе своих лет. На ней элегантное синее платье и большие темные очки.

МУРСИ: Ой, Флорочка! А мы уже идем, правда, детка? Вспомнили, как назвать свору – и сразу к тебе. Сделать еще бутербродов? Видишь, Феликс, она не сердится. Ты ведь не сердишься, Флорочка?

ФЛОРА: Нет.

МУРСИ: Что я тебе говорила? Пойдемте вместе. Дружная семья, как у обезьян... Мамочка не сердится.

ФЕЛИКС: А я вижу – сердится.

ФЛОРА: (*хладнокровно*) Нет, Феликс, не сержусь... Я – в бешенстве.

МУРСИ: Ах, как некстати...

ФЕЛИКС: (*сильно заикаясь*) Свора п-п-п-человодов. Нравится словечко, мать? Неп-п-плохо, п-п-правда?

ФЛОРА: Немедленно прекрати балаган. И заикаться не смей! Ты не ребенок.

МУРСИ: Он просто волнуется...

ФЛОРА: Ничего подобного. Он меня дразнит.

МУРСИ: Да у него и в мыслях нет – верно, Феликс?

ФЛОРА: Когда хочет, говорит чисто. А сейчас – нарочно заикается.

ФЕЛИКС: *(в отчаянии)* Я хочу п-п-п-п...

МУРСИ: *(торопливо подсказывает)* Помириться? Он хочет помириться, Флорочка.

ФЛОРА: *(холодно)* Не бей на жалость, Феликс, бесполезно. Сегодня в центре внимания не ты, а твой отец.

ФЕЛИКС: Отца п-похоронить не успели, а ты уже вызвала эту свору п-п-п... *(сдается)* астронавтов в белом... Они забрали п-пчел. П-папиных п-п-п...

ФЛОРА: Знающие люди посоветовали. Потому что пчелы роились. Как отец умер – словно обезумели.

ФЕЛИКС: Может, они в бешенстве? Довели п-пчёлочк...

МУРСИ: Феликс...

ФЕЛИКС: А вещи отцовские где? Я п-приехал домой – а во всем доме ни одной его вещички. Тоже знающие люди п-п-п... совет дали? Где одежда?

МУРСИ: Одежду Флорочка решила раздать. По доброте душевной. Я всё снесу в благотворительный магазин – для беженцев.

ФЛОРА: Балахон его пчелиный на месте. В гараже. На вечную память.

МУРСИ: Я бы и балахон снесла, да хозяйка магазина говорит – кому он нужен?

ФЕЛИКС: П-приехал домой – а отцовского ничего не осталось.

ФЛОРА: Ты в этом доме вообще не живешь. И не смей меня критиковать.

ФЕЛИКС: Я не критикую. П-подбираю слова...

ФЛОРА: Подбираешь слова? Похвально! Что ж ты их утром не подобрал, а, Феликс? Все собрались в церкви, все ждут, когда он слова подберет... Мой гениальный сын, золотая голова, профессор! Не может найти слов, сказать надгробную речь родному отцу!

ФЕЛИКС: Я не профессор.

ФЛОРА: Все надеялись – он скажет чудесную речь, поддержит близких, достучится до каждого сердца. Мы заплачем, и нам полегчает... А он взял да и... де-зер-тировал? Во как! Я-то слова умею подбирать! Ты – дезертир!

ФЕЛИКС: Я п-плохо себя чувствую.

ФЛОРА: Ты попросту дал деру!

ФЕЛИКС: Я на лекарствах.

ФЛОРА: Вместо тебя шапочный знакомый отца подбирал слова. Такой же, как он, специалист... по тараканам. Как сумел, так и подобрал.

МУРСИ: А что? Складная речь вышла.

ФЛОРА: Да уж куда складнее. Сравнил моего мужа с мухой! Цикл жизни, видите ли, сходный!

МУРСИ: А тебя, Флорочка, с паучиной сравнил – будто ты вокруг мужа паутину выткала – очень красиво!

ФЛОРА: Красота неопишная! Этих, которые пауками ведают, я бы вообще на люди не выпускала.

ФЕЛИКС: Что ж, такие у него друзья. Насекомых изучают.

ФЛОРА: Были да сплыли его друзья. Муховеды и мухолюбы...
Полчище зануд! Ни одной живой души. И сам Джеймс Гамбл был да
сплыл...

МУРСИ: А давайте я еще бутербродиков намажу? С мясным
паштетиком? Вкусно...

ФЕЛИКС: Я п-плохо себя чувствую.

ФЛОРА: Феликс, у тебя умер отец. Твое самочувствие никого не
интересует.

ФЕЛИКС: Я п-пытался сказать речь... П-подвести итог...

ФЛОРА: Думаешь, ты один болен? У нас тут никто здоровьем не
блещет. Вон Мурзик уже давно того... не в себе.

МУРСИ: Поясница пошаливает...

ФЛОРА: А я вообще после серьезной операции.

МУРСИ: Ох, настрадалась она, бедняжка.

ФЕЛИКС: (*себе под нос*) П-пластической...

ФЛОРА: Что ты сказал?

ФЕЛИКС: Исправление формы носа – это не операция.

МУРСИ: Как не операция? Лицо после все синее было – страх! И
сейчас за очками-то сплошной синяк. На Флорочку нашу без слез не
взглянешь...

ФЛОРА: Мурзик, молчи!

МУРСИ: Да я ничего...

ФЛОРА: У тебя туфель получше не нашлось?

МУРСИ: А чем эти плохи?

ФЛОРА: Сколько тебя учить – не носи черное с коричневым!

ФЕЛИКС: А ты сама почему не в трауре?

ФЛОРА: Потому что черный бледнит! На мне чудесное платье, модельное... Чем замечания делать, на себя посмотри. Что за вид? Явился на похороны отца в спортивных штанах, практически в подштанниках! Ты спортом отродясь не занимался. Никаким! У тебя же руки дырявые!.. На кого ты похож? Растолстел, опустился... Что с тобой происходит?

МУРСИ: Пойду-ка я туфли переодену...

ФЛОРА: Иди, Мурзик, не путайся под ногами. Угости мухолюбов паштетом или креветками – вдруг похвалят.

МУРСИ: Я мигом... Креветки – это ты отлично придумала... Ты как себя чувствуешь, Флорочка, все хорошо?

ФЛОРА: Лучше не бывает! Муж умер, сын умом тронулся, сбежал с похорон отца... Все превосходно! Одна радость – пчел этих проклятых забрали.

МУРСИ: *(секунду мешкает, уходит, бормоча извинения)* Конечно, Флорочка, конечно... Уж ты меня прости...

Феликс и Флора остаются одни.

ФЕЛИКС: Б-б-блаженны миротворцы, ибо...

ФЛОРА: Ибо они – шило в заднице... Между прочим, я на эту операцию долго копила.

ФЕЛИКС: Знаю.

ФЛОРА: Твой отец хотел, чтобы я... *(осекается)* То есть, наоборот, не хотел, чтобы... Короче, он меня понимал.

ФЕЛИКС: И это знаю.

ФЛОРА: Он умер в саду, упал – и всё... Я ничего не знала – была наверху, прилегла отдохнуть. У меня после операции повязка вокруг головы, уши закрыты, слышно плохо. Но я почуяла неладное. Читала журнал, так он из рук выскользнул. Прямо на пол. Даже будь я рядом, не спасла бы – умер мгновенно. Сердце...

ФЕЛИКС: Да, сердце...

ФЛОРА: Феликс! Не могла я на его вещи в доме смотреть. Не могла...

ФЕЛИКС: Ладно, забудь.

ФЛОРА: Наверное, должна была сохранить... для тебя... Но мы тебя целую вечность не видели...

ФЕЛИКС: Есть явления... неочевидные. Но они все равно существуют.

ФЛОРА: *(резко)* О чем ты?

ФЕЛИКС: О черных дырах. П-простым глазом их не видно. Но при помощи сложных телескопических устройств можно разглядеть.

Пауза. Флора недовольна.

ФЛОРА: Не морочь мне голову своей наукой.

ФЕЛИКС: Не буду.

ФЛОРА: Хватит того, что ты меня в церкви опозорил. Никогда не прощу!

ФЕЛИКС: Ну и правильно.

ФЛОРА: И не забуду.

ФЕЛИКС: Тоже правильно.

Она поворачивается, собирается уйти. Передумывает.

ФЛОРА: Что за лекарства ты принимаешь?

ФЕЛИКС: Ничего особенного. Успокоительное. Снотворное.

ФЛОРА: Вот, сам говоришь: ничего особенного. Я же мать, я всегда почувствую, если ты болен всерьез.

ФЕЛИКС: Как скажешь.

ФЛОРА: Но я не вмешиваюсь, ты взрослый, сам разберешься... Уезжаешь прямо сегодня?

ФЕЛИКС: Еще не решил.

Она пристально смотрит на Феликса. В сад входит Джим, садовник. Ему за шестьдесят, он тих и задумчив, несколько рассеян, с мягким юморком. Феликс разглядывает его. Флора в его сторону не смотрит. У Джима в руках мотыга и ведро с золой. Он вываливает золу под розовый куст, разравнивает. Флора любит садом.

ФЛОРА: Такая чудная погодка. И зазря пропадает.

Она направляется к дому, нарочно обходит улей по длинной кривой. Джим провожает ее взглядом. Феликс не сводит с садовника глаз. Тот замечает, что на него смотрят.

ДЖИМ: Я и сам сомневался – идти к вам сегодня, не идти... Но саду нужен уход. Твоя мать беспорядка не терпит. Верно?

ФЕЛИКС: Верно...

ДЖИМ: *(разглядывает куст, обрывает отцветшие розы)* Вон сколько новых, сегодня раскрылись... Я люблю сортовые розы, а твоя мать – гибриды. Они, понятное дело, пахучие. На это она и покупается. Я бы разных сортов посадил, но ей ароматы подавай. А мне что? Как скажут, так и сделаю.

ФЕЛИКС: П-понятно...

ДЖИМ: Вот, к примеру, гибридная чайная роза, называется "Жозефина Брус". Уж не знаю, кто такая, но роза ей досталась на славу. Густо-алая, бархатная, сладкий аромат. Особой заботы не требует. Растет без удержу, сама по себе. Сдается мне, была эта Жозефина большая гулёна.

ФЕЛИКС: П-почему была? Может, жива еще.

ДЖИМ: Может и жива, гуляет себе... Но чаще всего цветы называют по умершим. Чтоб память осталось. Чтоб семье не так больно... Ох, лишнего сболтнул, прости... Тяжко тебе, небось, сынок?

ФЕЛИКС: Да... П-п-пчел нет.

ДЖИМ: Грустный день сегодня, что и говорить. Улей без пчел. И семья, как улей, осиротела.

ФЕЛИКС: Я видел, как их забирали. П-пришли четверо. С п-полной выкладкой: белые балахоны, сетки на лицах, ящики и эти, как их...
(подыскивает слово)

ДЖИМ: Дымари?

ФЕЛИКС: Точно.

ДЖИМ: Чтоб пчел успокоить.

ФЕЛИКС: Как не от мира сего... Красивые такие...

ДЖИМ (улыбается, ему нравится рассказ про пчеловодов): Красивые, говоришь?

ФЕЛИКС: Я сверху из окна смотрел. В небе от пчел аж почернело. Но пчеловоды не испугались.

ДЖИМ: Они не из пугливых.

ФЕЛИКС: Расстелили на земле белую простыню и полезли крышку с улья снимать. А я сверху смотрю, оттуда вид совсем чудной: белые фигуры будто взлетают... в черное небо. Так сердце сжалось... Не могу описать... Чуть не разревелся.

Пауза.

ДЖИМ: Пчелы-то в саду еще остались. Только матери не проболтайся.

ФЕЛИКС: Как остались?

ДЖИМ: Так. Перехитрили ее. С божьей помощью.

ФЕЛИКС: Но улей пустой...

ДЖИМ: Они не в улье живут. Шмели садовые. *Bombus hortorum*. Гнездо у них под навесом. Я на днях заметил.

ФЕЛИКС: И матери не сказал?

ДЖИМ: Она цветы любит, а без пчел не будет и цветов. Только шмели все равно скоро погибнут, зиму не переживут, это же не домашние пчелы. Лучше бы их не трогать, как думаешь?

ФЕЛИКС: Конечно, пусть поживут. До конца лета.

ДЖИМ: Ну и славно. Никому не скажем, будет наш с тобой секрет.

ФЕЛИКС: Мне пора.

ДЖИМ: Иди-иди. Гости ждут.

ФЕЛИКС: Ждут не дождутся...

Феликс, спотыкаясь, бредет к дому. Проходит мимо улья, опирается на него. Оглядывается на Джима.

ДЖИМ: Был рад повидаться, Феликс.

Феликс кивает, уходит в дом. Джим принимается рыхлить землю вокруг розового куста.

Сцена 2

Через две недели после похорон. Конец июня, лето в самом разгаре, погожий солнечный денек.

Джим прекращает рыхлить землю, подхватывает ведро с золой и выходит, бросив взгляд на одновременно входящего Джорджа. Тот не замечает садовника. Джордж крупный, крепко сбитый мужчина лет шестидесяти. На поясе у него большой портативный плеер, в руках вино – не в бутылке, а в объемистом картонном пакете с краником, на голове – огромные наушники. Из них слабо доносится мелодия Гленна Миллера "В настроении". Он ставит вино на стол.

ДЖОРДЖ: (орёт в сторону дома) Зайчик, прыгай сюда!

Прибавляет громкость на плеере, музыка слышна отчетливее. С удовольствием потягивается. Подтанцовывая, наливает в бокал вина. Беззаботно танцует, передвигаясь по саду. Выбивает барабанную дробь на улье. Оказывается около розового куста, пытается сорвать цветок. Накалывается на шип.

ДЖОРДЖ: Ах ты, гадина! (Сосет палец. Резким движением срывает розу с куста.) Ишь, недотрога!

Бросает розу в гамак. Достает из кармана коробочку с кольцом, любуется, снова прячет в карман. Окончательно приободрившись, танцует раскованнее. Он явно в ударе, пляшет от всей души. Дирижирует садом, как оркестром. Не прекращая танца, выносит на лужайку садовые скамейки, стол. Появляется Флора. На ней светлое платье, она выглядит великолепно. Некоторое время наблюдает за Джорджем, невольно заражаясь его настроением. Наконец, он замечает ее.

ФЛОРА: Джордж, ты чего веселишься?

ДЖОРДЖ: Зайчик!

Джордж хватая Флору в охапку, увлекает за собой. Они слаженно танцуют. После нескольких рискованных па она пытается вырваться.

ФЛОРА: (смеется) Довольно, Джордж.

ДЖОРДЖ: Я тебя не слышу, зайчик!

ФЛОРА: А я музыку не слышу! Ну, хватит ребячиться.

ДЖОРДЖ: Зачем тебе музыка, зайчик? Скок-поскок за мной.

ФЛОРА: А вдруг кто увидит?.. Феликс же тут... Хватит, говорю!

Джордж послушно выключает плеер, снимает с пояса. Музыка умолкает.

ДЖОРДЖ: Он еще здесь, наследничек твой?

ФЛОРА: Вроде решил остаться до конца лета.

ДЖОРДЖ: Опозорил – и к тебе же под крылышко?

ФЛОРА: Не гнать же... Он все-таки мой сын... И он нездоров. (Джордж презрительно хмыкает, наливает ей вино. Флора садится, разглаживает платье, расстегивает верхнюю пуговицу – ей хочется загореть, – взгляд ее падает на плеер.) Новая игрушка?

ДЖОРДЖ: Высший класс! Даже за рулем слушаю.

ФЛОРА: По-моему, в наушниках водить не положено.

ДЖОРДЖ: Наплевать! Обожаю прибамбасы. Стерео, quadro, долби... Все хочу! И побольше!

ФЛОРА: Не треснешь?

ДЖОРДЖ: Розы подарила. А то, как врублю музыку, ворчит – папа, потише... Вот, заплатила за свою тишину!

ФЛОРА: Значит, дочка с тобой петть-плясать не жаждет?

ДЖОРДЖ: Да не умеет она этого! Вообще жить не умеет! Вся в мать... Люблю ее все равно, куда деваться. (*Флора смеется. Пауза.*) Флора, я так счастлив. Мне с тобой хорошо.

ФЛОРА: Знаю.

ДЖОРДЖ: Вот бы нам не расставаться... Слушай, Флора...

ФЛОРА: (*обрывает*) Ну, Жоржик, как тебе моя обновка?

ДЖОРДЖ: Обновка?

ФЛОРА: Синяк-то почти сошел.

ДЖОРДЖ: Какой синяк?

ФЛОРА: После операции. Смотри на нос!

ДЖОРДЖ: (*изображает восторг*) Это не нос, а просто черт знает что такое!

ФЛОРА: В каком смысле?

ДЖОРДЖ: В смысле – обожаю!

ФЛОРА: А почему сразу не сказал?

ДЖОРДЖ: Откладывал. На закуску. М-м, так бы и съел... Роскошный носик. Римский!

ФЛОРА: Римский?? Горбатый??

ДЖОРДЖ: Нет! Я хотел сказать – итальянский!

ФЛОРА: Это еще что за зверь?

ДЖОРДЖ: Это самый лучший зверь! То есть, нос! Круче не сыщешь. Изящный, тонкий, пипочка такая... Просто царский нос! Не нос, а роскошь... мерседес!

ФЛОРА: Вопрос в том, идет ли мне этот... мерседес.

ДЖОРДЖ: Ну-ка, повернись... И с другого бока. Не сомневайся – сидит как влитой.

ФЛОРА: А я вот сомневаюсь. Свет мой зеркальце, скажи... Хороша ли я?

ДЖОРДЖ: Ты – красотка!

ФЛОРА: Где краса-то?

ДЖОРДЖ: Зайка! Ты так мечтала сделать нос!

ФЛОРА: Дело не в носе. Нос неплохой. Даже хороший. А вот лицо стареет. Не подходит к новому носу. Может, подтяжку сделать?

Она оттягивает уши назад и вверх. Джордж отводит ее руки в стороны.

ДЖОРДЖ: У тебя всё ко всему подходит...

ФЛОРА: Ты необъективен. Дай-ка крем – он от солнца, но говорят, и от морщин защищает. Пока не поздно.

ДЖОРДЖ: Я сам.

Он бережно намазывает ей лицо солнцезащитным кремом.

ФЛОРА: Мажьте меня, мажьте... Помажьте меня на царство!

ДЖОРДЖ: Флора, царица моя...

ФЛОРА: Джордж, убавь пыл... На дворе утро.

ДЖОРДЖ: Утро-шмутро, ты же знаешь, чего я хочу. Конечно, муж только помер, надо выждать. Но, черт возьми, я устал топтаться на обочине!

ФЛОРА: Знаю.

ДЖОРДЖ: Мне это не по характеру, Флора. Я должен быть за рулем! Жаль Джеймса, земля ему пухом... Но мы так долго прятались. Ты измучилась. Хватит ждать! Возьмем быка за яйца! То есть, за рога. Через пару месяцев женимся, и порядок! У меня уж и кольцо заготовлено.

ФЛОРА: Неужели?

ДЖОРДЖ: Ты у меня будешь как сыр в масле кататься. Как свинья в грязи валяться... В хорошем смысле!

ФЛОРА: Умеешь комплимент сказать.

ДЖОРДЖ: Хочешь комплимент? На коленях предложение сделаю!

ФЛОРА: Не надо на коленях, потом не подынешься.

ДЖОРДЖ: А хочешь, на дерево влезу? Или на крышу? Прокричу на всю округу!

ФЛОРА: Джордж, успокойся, вся округа тебя и так отлично слышит. Что люди подумают?

ДЖОРДЖ: А мне насрать, кто чего подумает.

ФЛОРА: Джордж!

ДЖОРДЖ: Да чего церемониться, Флора? Ведь ты была с ним несчастна.

ФЛОРА: Давай не будем об этом.

ДЖОРДЖ: Он же занудой был. Твое словечко.

ФЛОРА: Ошиблась со словечком.

ДЖОРДЖ: Плевать на слова! Ты свой долг перед мужем выполнила, а я свой перед покойницей Мери. Нечего тянуть, мы уж не молоденькие!

ФЛОРА: Мог бы не напоминать.

ДЖОРДЖ: *(умоляет)* Зайчишка, прошу тебя...

ФЛОРА: Ладно. Покажи кольцо.

*Джордж вытаскивает коробочку, открывает.
Флора разглядывает кольцо.*

ДЖОРДЖ: Черный опал. Редкий камень. Не нравится, другое купим.

ФЛОРА: Кольцо старое, да?

ДЖОРДЖ: Антиквариат.

ФЛОРА: А у жены твоей какое было?

ДЖОРДЖ: Черт его знает, не помню. Дешевка какая-нибудь, у нас тогда денег не водилось.

ФЛОРА: Не хочу это кольцо.

ДЖОРДЖ: Да не женино оно. Женино я дочке отдал.

ФЛОРА: Не хочу кольцо, которое до меня носили.

ДЖОРДЖ: Значит, другое купим. Так и знал, надо было тебя спросить. Я в кольцах смыслю, как бык в автомобилях...

ФЛОРА: Для быков: самое верное дело – кольцо с бриллиантом.

Она закрывает коробочку, возвращает ему.

ДЖОРДЖ: Ты что... отказываешь?

ФЛОРА: Не отказываю. Мне надо подумать.

ДЖОРДЖ: Значит, почти согласна?

ФЛОРА: Почти. Но не совсем. И не сейчас. Подождем до конца лета.

ДЖОРДЖ: Умница! Царица!

ФЛОРА: И ты должен наладить отношения с Феликсом. Он, конечно, не подарок... Но я не хочу скандалов.

ДЖОРДЖ: Я против наследничка твоего ничего не имею. Просто не сложилось у нас...

ФЛОРА: А Розы твоя как посмотрит?

ДЖОРДЖ: Ей главное, чтоб я был счастлив.

ФЛОРА: Помнишь историю между ней и Феликсом?

ДЖОРДЖ: Старая история... Быльем поросла...

ФЛОРА: Я с Розы толком и не говорила. Про это.

ДЖОРДЖ: Не волнуйся, дочка нам не помеха. Она своего папашку любит, счастья ему желает. Дети у нас с тобой взрослые, разумные.

ФЛОРА: Хотелось бы верить.

ДЖОРДЖ: Соберем всех, объявим, что женимся...

ФЛОРА: Но учти: тихо, в семейном кругу.

ДЖОРДЖ: Да я же смирный, ты знаешь!

ФЛОРА: В том-то и дело, что знаю. Обещаешь вести себя прилично?

ДЖОРДЖ: Ради тебя – готов на всё!

ФЛОРА: Я еще не сказала "да".

Джордж подбирает розу, брошенную в гамак, преподносит Флоре.

ДЖОРДЖ: Ты не сказала "нет".

Она берет розу, улыбается, нюхает. В сад выходит Феликс. Он смотрит на мать. На нем все те же спортивные штаны, поперх белой футболки – растянутая пёстрая майка.

ФЛОРА: Странно...

ДЖОРДЖ: Чего ты?

ФЛОРА: Не пахнет...

Он берет цветок, нюхает.

ДЖОРДЖ: Еще как пахнет.

ФЛОРА: Да не пахнет!

Она идет к кусту, принюхивается к розам.

ФЕЛИКС: Mam, привет.

ФЛОРА: Феликс, дорогуша! Ты меня напугал. Иди к нам. Помнишь Джорджа? Он отец Розы...

ФЕЛИКС: Как не помнить.

ДЖОРДЖ: Здравствуй, Феликс. Я как раз выражал соболезнования. Очень сожалею о вашей потере...

ФЕЛИКС: Спасибо.

ФЛОРА: Да, Джордж, спасибо тебе... вам. (Феликсу) Ты что-то быстро вернулся...

ФЕЛИКС: Магазин сегодня только до обеда работал.

ФЛОРА: С чего бы? В понедельник?

ФЕЛИКС: Хозяйка так решила.

Она смотрит с подозрением.

ФЛОРА: Это что за наряд?

ФЕЛИКС: Награда. За честный труд.

ФЛОРА: Совершенно не твой стиль. (Джорджу) Феликс вместе с Мурзиком помогает в благотворительном магазине. Зачем – неизвестно...

ФЕЛИКС: Может, это мое истинное призвание? Хозяйка сказала, хоть сейчас наймет. За два часа перебрал больше вещей, чем Мурзик за целую неделю.

ДЖОРДЖ: Да ну?

ФЕЛИКС: И дело благородное. Для беженцев, для сирот. Жалко мне их, я ведь теперь и сам... безотцовщина. Кстати, вещи с чужого плеча –

отличная штука, верно, Джордж? Если вещь была в употреблении – так и тянет самому... употребить. *(замечает вино в пакете)* А, напиток богов! Сегодня жаррища... Самый длинный день в году. Пик сезона. Дальше – дружно катимся под гору. *(наливает себе вина)*

ФЛОРА: *(раздраженно)* Что-то ты заболтался, Феликс... Может, успокоишься?

ФЕЛИКС: А я спокоен. И невозмутим. Слушай, мать, – выглядишь изумительно.

ФЛОРА: Благодарю.

ФЕЛИКС: Оригинальная трактовка траурного наряда.

ФЛОРА: *(фальшиво смеется; Джорджу)* Он шутит.

ФЕЛИКС: Разумеется, шучу... Расскажите, Джордж, как у вас дела? Как ваша эскадрилья поживает?

ДЖОРДЖ: Какая еще эскадрилья?

ФЕЛИКС: Фирма ваша. Автобусы.

ДЖОРДЖ: А я практически на пенсию вышел. Нанял парней – крутить баранку. Сам тоже иногда за руль сажусь, выручаю. Я не гордый. Шоферюгой был, шоферюгой и останусь.

ФЕЛИКС: Не сомневаюсь. А название у вашей компании прежнее? Лихое было названьице... Подождите, вспомню... Крылатые... Порхающие...

ДЖОРДЖ: *(с гордостью подсказывает)* Летучие! "Летучие Корр'овы". Джордж Корр'ова приглашает в полет.

ФЕЛИКС: Вот! "Летучие Корр'овы". Неужели сами придумали?

ДЖОРДЖ: А то!

ФЕЛИКС: Гениально. Нет слов. Какой образ!

ДЖОРДЖ: Спасибо, мне самому нравится.

ФЕЛИКС: Одна беда... Помню, жутко расстроился, когда первый раз на вашем автобусе ехал. Что ты будешь делать – не летит! В облака не взмывает. Правда, тогда за рулем сидели не вы. Без Джеймса-то Корровы как взлетишь?

ФЛОРА: Феликс – притормози! И вообще, ты высоты боишься! Забыл?

ДЖОРДЖ: Ты домой скоро собираешься? В академии свои?

ФЛОРА: Он еще не решил, да, Феликс? У него сейчас пауза.

ДЖОРДЖ: Что ты изучаешь-то? Астрологию?

ФЕЛИКС: Как вы сказали?

ДЖОРДЖ: Ну, хобби твое... Астрология? Не ошибаюсь?

ФЕЛИКС: Ошибаетесь.

ФЛОРА: Ну почему, Феликс? Это примерно твой круг интересов.

ФЕЛИКС: Я занимаюсь теоретической астрофизикой. От астрологии до нее – как до луны.

ДЖОРДЖ: Астрология, астрофизика... Мне все едино.

ФЛОРА: Мне тоже. Но он умный мальчик.

ДЖОРДЖ: Я в эти штуки не верю.

ФЕЛИКС: В какие именно?

ДЖОРДЖ: В гороскопы. Чепуха, дерьмо бычачье.

ФЕЛИКС: Бычачье? Вы по гороскопу, случаем, не Бык? Когда родились?

ДЖОРДЖ: В мае.

ФЕЛИКС: Форменный бык! Когда у него день рождения, мать?

ФЛОРА: Ну да, в мае. Ближе к концу, верно, Джордж? Может, там уже другой знак зодиака? Тогда он не бык...

ФЕЛИКС: Нет, точно бык! Бык по фамилии Коррова. Вы п-правы, Джордж, астрология – отличное хобби! А я-то, дурак, считал, что тайну вселенной откроет физика. Точные законы, железная логика... Астрологию в грош не ставил. П-признаю – ошибся! Нацеплю колпак со звездами, мантию и стану раздавать п-предсказания. Нап-право и налево. Вот, на п-пробу: в день летнего солнцестояния, п-под Венерой и Сатурном быку по имени Коррова п-предстоит романтическая встреча!

ФЛОРА: Феликс, остановись!

ДЖОРДЖ: Слышь, сынок...

ФЕЛИКС: Я вам не сынок. Вы моего отца хорошо знали?

ДЖОРДЖ: Немного знал... Приличный был человек.

ФЕЛИКС: П-приличный? Я как раз составляю список отцовских качеств – мне тут словечек накидали. Итак: П-приличный. Честный. П-прямой. П-порядочный. Достойный. Может быть – отважный? Нет, не подходит. Не из той оперы. П-пылкий? Это, пожалуй, годится. Надо отдать ему должное: он п-пылко любил... п-пчел.

ФЛОРА: Феликс, прекрати! Прошу по-хорошему.

ДЖОРДЖ: Не волнуйся... не волнуйтесь, Флора. Мне, пожалуй, пора.

ФЕЛИКС: Египтяне верили, что первая пчела родилась из слезы солнечного бога Ра. Вы об этом знаете, Джордж?

ДЖОРДЖ: Не знаю. И знать не желаю. Спасибо за угощение, Флора.

ФЕЛИКС: П-послушайте, вот это образ! Дождь как из ведра, а солнце как из улья! Сегодня как раз такой день: солнце как из улья. Правда, технически это невозможно. Мать выгнала всех пчел. Солнце есть, а пчел нет.

ФЛОРА: (Джорджу) Не понимаю, откуда эта внезапная страсть к пчелам. Он их всегда ненавидел. Даже сильнее, чем я.

ФЕЛИКС: Неправда.

ФЛОРА: Жужжание мешало тебе заниматься. От меда ты отказывался наотрез.

ДЖОРДЖ: Я пойду. Заглянул на минутку.

ФЛОРА: Да-да. Я провожу. Ты... вы уж простите его, Джордж.

ФЕЛИКС: Мать, розу свою не забудь. А то она подвяла.

ФЛОРА: Феликс, ты испытываешь мое терпение!

ФЕЛИКС: Я испытываю – нечто омерзительное...

Флора берет розу, идет к воротам. Джордж направляется следом.

ФЕЛИКС: Летите куда подальше, господин Коррова.

Флоры уже не видно. Джордж резко оборачивается.

ДЖОРДЖ: Слышь, ты... Свою уродскую жизнь живи как хошь. Мне дела нет. Но к дочери моей не лезь! Один раз ей подянку кинул и хватит. Усёк?

ФЕЛИКС: *(тихо)* Усёк.

Джордж выходит. Феликс направляется в глубину сада. Слышится слабое гудение. Феликс встряхивает головой, как будто у него звенит в ушах.

ФЕЛИКС: Нет... Только не это... *(возвращается Флора)* Мама...

Она замечает, что Джордж забыл плеер. Качая головой, садится, надевает наушники, нажимает кнопку. Слышится музыка: Гленн Миллер "Не сиди под яблоней". Возможно, она слегка подпевает. Перемена света. Время как бы замедляется. Она не слышит, что говорит Феликс.

ФЕЛИКС: Мама... Мне часто снится, будто ты выносишь меня, совсем маленького, на нашу лужайку. Бережно укладываешь на животик. В шелковистую, изумрудную траву. Ты улыбаешься, я блаженствую... А потом раз – и всё переменялось. Я взрослый. Падаю животом в траву – она холодная, жесткая. Вставляю в рот п-пистолет. Хочу разmozжить себе голову... **Пусть разорвется мозг на тысячу частиц. Зеленая трава пусть кровью обагрится...** А ты всё стоишь надо мной. Улыбаешься.

Внезапно Флора понимает, что он рядом. Выключает музыку. Теперь слышится только тихое гудение.

ФЛОРА: Феликс, не броди, как тень.

ФЕЛИКС: В этом году трава изумрудная. Видишь, мама?

ФЛОРА: Я с тобой не разговариваю!

Флора берет плеер, выходит. Феликс остается один. Гудение постепенно нарастает. Теперь кажется, что время ускорилось.

ФЕЛИКС: Нет, только не это... Хоть в п-петлю...

Он проходит в глубину сцены, где лежит свернутый шланг. Поднимает его, медленно обматывает вокруг горла. Гудение становится невыносимым. Феликс стягивает на горле петлю. Прислушивается к своим ощущениям. Пауза.

Сцена 3

Середина июля. Входит Джим. Он несет поддон с саженцами и перегноем, садовый совок. По ходу действия рассаживает саженцы в горшки. Насвистывая "Не сиди под яблоней", поглядывает на Феликса. Феликс замечает его, смущается. Гудение смолкает. Феликс ослабляет петлю на шее.

ФЕЛИКС: Я... провожу эксперимент... (пауза) Садовый шланг идеально подходит. Как аналогия.

ДЖИМ: Аналогия, говоришь?

ФЕЛИКС Ну да. Для теории струн... Мы видим только три измерения, а на самом деле их больше. Допустим, садовый шланг натянут между столбами. Издали, простым глазом, видна лишь тонкая линия, но ведь шланг-то объемный.

ДЖИМ: Очень интересно. Давай его с шеи-то снимем?

Джим снимает с Феликса шланг, сворачивает в кольцо.

ФЕЛИКС: Если посмотреть в бинокль с сильным увеличением, увидим объемную фигуру, трубку. Появилось еще одно измерение. Оно как бы скручено вокруг шланга. В мире существуют шесть или семь микроскопических измерений, невидных глазу. Они свернуты, скручены одно вокруг другого. Понятно объяснил?

ДЖИМ: В общем и целом... Да их все равно скоро запретят. Чует мое сердце.

ФЕЛИКС: Запретят? Измерения?

ДЖИМ: Шланги. Так уж было однажды. Выдалось жаркое лето – запретили поливать из шланга. Воду сэкономили.

ФЕЛИКС: Ясно.

ДЖИМ: Кое-кто все равно поливал. А я правил не нарушаю. Сад у меня на глазах хиреет, чахнет, а у соседей дождевальная установка шпарит, в саду аж потоп. Хотел на них в полицию жаловаться.

ФЕЛИКС: Война садов...

ДЖИМ: Так на них и без полиции гниль напала, весь сад под корень извела. Что посеешь, то и пожнешь. Это наша пословица, садовничья.

Пауза.

ФЕЛИКС: Что-то шмелей не видать.

ДЖИМ: Трутни скоро вылетят. Начнут вокруг матки, королевы своей увиваться. Она семь-восемь счастливиц к себе допустит. Секс на седьмом небе! Как сделают свое дело – сразу гибнут. А она летит себе дальше, никто ей не нужен. Эмансипация, брат!

Феликс улыбается.

ФЕЛИКС: Хочу на шмелей посмотреть. А то лето проходит. Увижу – может, полегчает.

ДЖИМ: Посмотришь еще.

ФЕЛИКС: Измучился... Никак правильный вопрос себе не задам. Мне надо решить, что делать дальше.

ДЖИМ: А зачем вопрос?

ФЕЛИКС: Чтобы найти ответ. В науке главное – правильно вопрос поставить.

Джим бросает работу, смотрит на Феликса.

ДЖИМ: А вот твоей науке неизвестно, почему шмели летают. Они ведь слишком большие, а крылья слабые. По всем законам физики летать не должны. Ответа на вопрос нет. Но они все равно летают.

В сад выходит Мурси, осматривается, но к Джиму не обращается.

МУРСИ: Сад сегодня чудо как хорош!

Джим смотрит на нее. Она улыбается, но взгляда не возвращает.

ДЖИМ: Спасибо.

Он продолжает копаться в саду незамеченным. Феликс иногда на него поглядывает, но тот погружен в работу.

МУРСИ: Славный денек. Не припомню такого лета. Хотя дождик – это тоже неплохо... Я костюмчик, что ты выбрал, из магазина принесла. Хозяйка говорит, бесплатно. В комнате у тебя, в сумке. Но детка, боюсь, пиджачок-то узковат. Будет совсем в обlipку.

ФЕЛИКС: Ничего, Мурзик, пиджачок в самый раз. Спасибо.

МУРСИ: А я тебе другой костюмчик присмотрела. Брючки малость просижены да лацканы широковаты, а так хоть на бал...

ФЕЛИКС: *(с некоторым раздражением)* Не нужно другого. Я выбрал этот.

МУРСИ: Тебе виднее, детка. *(рассеянно оглядывает сад)* Африканская лилия – просто красавица!

ДЖИМ: *Agapanthus umbellatus.*

МУРСИ: Впрочем, я все лилии люблю. Белые...

ДЖИМ: *Lilium candidum.*

МУРСИ: И тигровые...

ДЖИМ: *Lilium tigrinum*.

МУРСИ: И душистый горошек. Ах, как я люблю душистый горошек!

ДЖИМ: *Lathyrus odoratus*.

ФЕЛИКС: Ты все цветы знаешь.

МУРСИ: Да.

ДЖИМ: А я – только те, что растут в моем саду.

МУРСИ: Даже издали пахнут! (*мнется*) Детка... Что ты решил?

ФЕЛИКС: Насчет чего?

МУРСИ: Mamочка говорит, останешься до конца лета?

ФЕЛИКС: Ну, если говорит...

МУРСИ: А когда уедешь?

ФЕЛИКС: Пока не знаю.

МУРСИ: Mamочка говорит, ты лекарство какое-то принимаешь.

ФЕЛИКС: Да ну?

МУРСИ: А какое? (*Феликс молчит*) Может, уже не принимаешь?

ФЕЛИКС: Она тебе что, за услуги платит?

МУРСИ: Платит? Мне?

ФЕЛИКС: Или тебе просто нравится быть на побегушках?

МУРСИ: Феликс...

ФЕЛИКС: Она всю чёрную работу на тебя свалила.

МУРСИ: Ничего не свалила. Никаких побегушек...

ФЕЛИКС: Мурзик, ты не умеешь лгать.

МУРСИ: Mamочка о тебе тревожится.

ФЕЛИКС: А ты причём?

МУРСИ: Я тебя с самого рождения знаю. Вот тут, в саду, с тобой маленьким играла. Мы с мамочкой близкие подруги.

ФЕЛИКС: Ага. Она звезда, а ты рядом, вечным спутником. Искусственным. Нравится?

МУРСИ: Да. Нет. Не знаю...

ФЕЛИКС: Ты себя-то побереги. Звезды гаснут и в черные дыры превращаются. Коварная штука. Затянет – не выберешься. Всю тебя покорёжит, наизнанку вывернет.

МУРСИ: Феликс, детка, не пугай меня. У меня нервы.

ФЕЛИКС: Прости.

МУРСИ: Зачем ты говоришь такие ужасные вещи?

ФЕЛИКС: Прости, Мурзик. Больше не буду.

МУРСИ: У тебя на работе неприятности, да? В науке?

ФЕЛИКС: В науке полный порядок.

МУРСИ: Ты уже, наверно, профессор?

ФЕЛИКС: Нет. Научный сотрудник.

МУРСИ: Молодец – высокое звание, гордое! А я помню, как ты экзамен провалил. За четвертый класс! А какая у тебя задача?

ФЕЛИКС: Не понял.

МУРСИ: Научная.

ФЕЛИКС: Сложно объяснить.

МУРСИ: А ты попробуй. Люблю всё непонятное...

ФЕЛИКС: Я занимаюсь теорией струн. Пытаюсь свести все физические законы вместе.

ДЖИМ: Любопытно.

МУРСИ: Теория струн – как красиво...

ФЕЛИКС: В основе мира, в начале начал, лежат тончайшие ниточки энергии. Совсем крохотные, в миллиарды раз меньше атома! Только представь – голова кружится... Мы называем их струнами. Они натянуты и вибрируют, как у скрипки. Из них создана вселенная.

МУРСИ: Не может быть...

ФЕЛИКС: Как устроена вселенная, мы пока знаем плохо. Картинка не складывается. Классическая, ньютоновская физика противоречит квантовой. Получается, что большие объекты – сами по себе, а малые – сами по себе. Космос отдельно, атом отдельно. Но ведь это чепуха! Мир един, законы должны стыковаться. Соединить большое и малое – вот чего я хочу!.. Ответ где-то рядом. **Гуденье слышится тончайших струн... Тонкий звон, тихий гул, переливы, рулады...**

ДЖИМ: Музыка сфер.

ФЕЛИКС: Для этой музыки нет математических формул. Она переполняет меня – целый океан созвучий, сплетений, переходов... В формулу не укладывается. Но когда-нибудь уложу. Выстрою единую теорию... Это будет грандиозный прорыв... Теория всего! И тогда отдохну. Как создатель на седьмой день творения.

ДЖИМ: Обязательно выстроишь.

МУРСИ: Феликс, у тебя замечательная тема! Всё! Другие изучают что-то, а ты – всё... Будь я посметливей – тоже взялась бы за струны!

ФЕЛИКС: Сейчас я просто жду озарения. Эх, где моя эврика?

МУРСИ: Придет в свое время.

ДЖИМ: Непременно придет.

ФЕЛИКС: Эйнштейн говорил – нет момента счастливее...

ДЖИМ: Вот и настройся заранее. Не пропусти.

Джим направляется к выходу. Феликс провожает его улыбкой.

МУРСИ: Не пропусти! Настройся на вдохновение. Я даже когда в церкви цветы раскладываю, всегда молюсь: дай, боже, капельку вдохновения.

ФЕЛИКС: Кажется, я знаю, как придет моя эврика.

МУРСИ: Расскажи.

ФЕЛИКС: Буднично, почти бесшумно...

МУРСИ: У счастья легкий шаг.

ФЕЛИКС: Например, Стивена Хокинга первое озарение посетило, когда он ложился в постель. Правда, он и в юности все делал очень медленно. Моторные функции нарушены. Потихоньку стянул покрывало. Включил электроодеяло в розетку. Лег. Накрылся. Одеяло со всех сторон подоткнул. Всё с огромным трудом. Мышцы отказывают, а мозг работает как бешеный, самые сложные формулы выдает. Одну за другой, в стройном порядке, как сонеты Шекспира... И вот дошло дело до будильника. Начал заводить – эврика!

МУРСИ: Я тоже с электроодеялом намучилась. А потом перешла на пуховое. Накрылся, и сразу тепло!

ФЕЛИКС: Мурзик, ты неподражаема.

МУРСИ: Спасибо, Феликс!

ФЕЛИКС: Это тебе спасибо.

МУРСИ: Придет твоя эврика, детка. Явится, когда не ждешь. Раз! И вот она, встречайте. Феликс Гамбл, "Грандиозная Теория Всего"!

ФЕЛИКС: Боюсь, как бы не проворонить. Не пройти мимо своего счастья.

МУРСИ: Вот и будь начеку.

ФЕЛИКС: Ты когда-нибудь видела, как падает яблоко? С ветки на землю?

МУРСИ: Не знаю. Наверное, видела.

Феликс подходит к яблоне. Появляется Флора. У нее в руках сверток, обернутый в подарочную бумагу. Она прислушивается к разговору. Феликс и Мурси ее не замечают.

ФЕЛИКС: А я ни разу не видел. Лет в десять узнал про Ньютона и гравитацию. Сел под яблоню и стал ждать, когда упадет яблоко. Хотел понять, что чувствовал Ньютон в ту долю секунды. Пока оно летит. Восемь часов просидел, и ничего. Наконец, мать позвала ужинать. Мне есть не хотелось – быстро что-то заглотил. Через десять минут выбегаю в сад – на земле три или четыре яблока.

МУРСИ: Что ж, Ньютону повезло.

ФЕЛИКС: В первую очередь – с матерью.

МУРСИ: Она не нарочно.

ФЛОРА: А у Феликса всегда во всем виновата мать!

МУРСИ: *(вздрагивает)* Флорочка!

ФЛОРА: Мурзик, ты счастливая, у тебя детей нет. Абсолютно во всех бедах ребенка виновата мать. Об этом целая теория есть – как ее? Ну, Феликс? Какая-нибудь теория хаоса! В одна тысяча девятьсот не будем говорить каком году я чихаю в гостях – и в результате мой сын не умеет общаться с людьми.

МУРСИ: Он просто застенчивый.

ФЛОРА: Подбираю фантик, который обронил мой трехлетний сын – и он не может иметь отношений с женщинами.

МУРСИ: У него были отношения с Розы.

ФЕЛИКС: Теория хаоса тут ни при чем.

ФЛОРА: Уж простите – ошиблась в научной терминологии. В отличие от тебя, в дорожных университетах не обучались. Мурзик, уйди, пожалуйста. Мне надо поговорить с ним наедине.

МУРСИ: Ухожу, ухожу... (*уходит*)

ФЕЛИКС: (*вслед выходящей Мурси*) Рядовой Мурзик, свободен!
Понадобится канаву рыть – свистнем.

ФЛОРА: Феликс...

ФЕЛИКС: Как ты ее вымуштровала, мать! Даже не рядовой, а... Хорошо натасканный спаниель. Вспугивает дичь. Тебе остается только пиф-паф.

ФЛОРА: Ей все равно больше заняться нечем.

ФЕЛИКС: Косточки-то подкидываешь?

ФЛОРА: Она довольна. Купается в лучах моей славы... Знаешь, Феликс, ехидство не украшает мужчину.

ФЕЛИКС: Это меня в университетах научили. П-подвергай всё сомнению...

ФЛОРА: Твоя ученость у меня уже из ушей лезет. Мне в жизни не повезло дважды: муж-биолог и сын-физик. Надо же, чтобы так совпало! Сам бог колоду подтасовал.

ФЕЛИКС: Хочешь – уеду?

ФЛОРА: А я в нашей семейке белая ворона. Марии Кюри из меня не вышло.

ФЕЛИКС: Скажи – и я уеду.

ФЛОРА: Сегодня утром обнаружила еще три седых волоса. Неделю назад их не было.

ФЕЛИКС: Мама, ну что мне сделать?

ФЛОРА: Да сделай хоть что-нибудь! Это твой дом, живи на здоровье, но не шатайся с утра до ночи, займись делом...

ФЕЛИКС: А я, по-твоему, ничем не занят?

ФЛОРА: Не знаю, чем ты занят. Ты мне не рассказываешь.

ФЕЛИКС: Потому что ты не слушаешь.

ФЛОРА: Довольно! Хватит! Отец безделья тоже не одобрял! (*пауза, Флора дотрагивается до его руки.*) А помнишь, как мы тебя в первый раз в школу привезли? Ты совсем кроха, я никак не решалась тебя отпустить. Но отец настоял. Ты шел по длинной дорожке к школе, а я смотрела вслед и махала, махала... Джеймс уговаривал ехать домой, но я хотела тебя подбодрить – чтобы тебе было не так страшно. Твоя фигурка становилась все меньше и, наконец, превратилась в точку, а я всё махала. Потом и точка исчезла. А я всё равно машу... (*пауза, Флора отдает Феликсу сверток*) Это тебе. Подарок.

ФЕЛИКС: У меня сегодня не день рождения.

ФЛОРА: Просто так, без повода.

ФЕЛИКС: Я не нуждаюсь в подарках.

ФЛОРА: В подарках никто не нуждается. Их дарят, чтобы порадовать.

ФЕЛИКС: Что там?

ФЛОРА: Ну, сколько можно рассуждать? С самого детства – великий теоретик. Разверни и увидишь.

Он разворачивает сверток. Флора улыбается. Феликс высвобождает из бумаги керамический горшочек с крышкой. Изумленно разглядывает.

ФЕЛИКС: Что за штукавина?

ФЛОРА: Античный горшочек для меда. Кажется, египетский. Или этрусский. Копия, конечно. Отец мне когда-то подарил. Совсем не в моем вкусе. Решила, что тебе понравится.

ФЕЛИКС: Спасибо. (*улыбается, снимает крышечку*)

ФЛОРА: Осторожно! (*из горшочка высыпается немного мягкого пепла*) Полный, еле поместилось.

ФЕЛИКС: Нет... Не может быть...

ФЛОРА: Что с тобой?

ФЕЛИКС: Скажи, что я ошибаюсь.

ФЛОРА: Прислали в каком-то дурацком ведерке... Только название одно, что урна...

ФЕЛИКС: Не может быть...

ФЛОРА: А на самом деле - уродливая, вульгарная жестянка. В горшочке для меда гораздо уютнее!

ФЕЛИКС: В этом горшочке... отец??

ФЛОРА: Прах.

ФЕЛИКС: Ты что, свихнулась?

ФЛОРА: Ты ругался, что я отцовские вещи выкинула. Пусть прах будет в сохранности.

ФЕЛИКС: В сохранности? Я же полгоршка просыпал!

ФЛОРА: Не переживай. Я пока пересыпала... из ведерка в горшочек... тоже отчасти... мимо. Хоть и через воронку.

ФЕЛИКС: Уму непостижимо!

ФЛОРА: На стенки налипло, пришлось сполоснуть.

ФЕЛИКС: Ты себя слышишь?

ФЛОРА: Успокойся. Воронку я выбросила.

ФЕЛИКС: По-моему, у тебя расстройство психики.

ФЛОРА: Конечно, мать все делает не так.

ФЕЛИКС: Это прах моего отца. Ты вручила мне отца в горшочке для меда!

ФЛОРА: Давай без истерик.

ФЕЛИКС: Завернула в подарочную бумагу!

ФЛОРА: Думала, так будет торжественнее...

ФЕЛИКС: С надписью "С днем рождения!"

ФЛОРА: Ну, не было у меня другой бумаги под рукой... Между прочим, для тебя стараюсь. Ты ведь переживаешь, что в церкви ничего не сказал? Устроим маленькую церемонию, ты скажешь речь. Развеешь прах.

ФЕЛИКС: Хорошо, что ты не всё в раковину сполоснула...

ФЛОРА: В любом случае, никто не гарантирует, что этот прах – отцовский. Крематориям нельзя доверять – работают спустя рукава. С другой стороны, прах он и есть прах, какая разница?

ФЕЛИКС: Мама, очнись! Что ты говоришь?

ФЛОРА: Я говорю, что твоего отца больше нет. И ты должен смириться с потерей.

ФЕЛИКС: В отличие от тебя, я не могу смириться с потерей в ударном темпе.

ФЛОРА: В отличие от тебя, я попрощалась с ним на похоронах, как нормальный человек.

ФЕЛИКС: Попрощалась и забыла? А сорок лет вместе – коту под хвост?

ФЛОРА: Ты эгоист. Мальчишка. Я знаю, почему ты не сказал речь про отца. Ты ставишь себя выше него. Что можно сказать про такую невзрачную личность? Школьный учитель биологии. К тому же, в школе для девочек! Пчеловод-любитель. Ничтожная жизнь. По меркам некоторых выдающихся ученых. По сравнению с тобой – чего он достиг?

ФЕЛИКС: Мама...

ФЛОРА: Ты смотришь на него, на всех нас сверху вниз. С высоты твоего полета мы – посредственности.

ФЕЛИКС: Неправда.

ФЛОРА: Можешь не говорить никакой речи. Всё и так понятно. Развей прах – и скатертью дорожка. Катись в своё прекрасное далёко. Выдам тебе ключи от отцовской машины.

ФЕЛИКС: Я не готов развеять прах.

ФЛОРА: Давай горшок, я развею.

Она пытается вырвать у него горшочек. Небольшая потасовка.

ФЕЛИКС: Мама, остановись. Я не готов. Отпусти горшок, пожалуйста. П-прошу тебя.

ФЛОРА: Ладно, твоя взяла. Только драки не хватало. Не задень мой новый нос. Я за него целое состояние выложила.

*Слышен сигнал автомобиля. Флора отступает от Феликса.
Вытаскивает пудреницу, прихорашивается.*

ФЕЛИКС: Уходишь?

ФЛОРА: Ухожу. Посиди один, подумай о своем поведении.

ФЕЛИКС: П-позволь узнать – с Джорджем?

ФЛОРА: Джордж – надежный друг. Он так поддержал меня после смерти отца. Но он, бедняжка, даже в дом зайти отказывается – боится тебя встретить.

ФЕЛИКС: Не ходи с ним, а?

ФЛОРА: *(красит губы)* Отвлекусь немного.

ФЕЛИКС: Побудь со мной.

ФЛОРА: Не канючь. Наоборот, радуйся, что мать не впала в депрессию.

ФЕЛИКС: Мама, п-прошу тебя. Не ходи.

ФЛОРА: Да что с тобой, Феликс? Почему же не пойти?

ФЕЛИКС: Он мне не нравится.

ФЛОРА: Ну, он от тебя тоже не в восторге. Ты с его дочерью некрасиво поступил.

Снова автомобильный сигнал.

ФЕЛИКС: Я ничего плохого не сделал...

ФЛОРА: Феликс, не спорь. И не забывай – мать всегда права. (*Феликс хочет что-то сказать, но решает смолчать. Флора поправляет платье.*) В августе выберем денек получше и позовем гостей – немного... так, пару знакомых. Пообедаем вместе. Надеюсь, ты к нам присоединишься. Если будешь в духе. А если нет – не трудись. (*направляется к воротам*) И кстати: надел бы панамку, солнце печёт.

Она выходит. Феликс остается в одиночестве. Возобновляется гудение пчел. Он смотрит на горшочек. Снимает крышку, заглядывает. Хочет было развеять прах, но – нет, раздумал. Закрывает крышку, прижимает горшочек к груди. Бредет прочь. Гудение смолкает.

Сцена 4

Сцена пуста. Как только Феликс выходит, с ветки срывается яблоко.

В саду появляется Роза. Ей лет тридцать с небольшим. Вид у нее цветущий, но внешность простенькая, красавицей не назовешь. Одея и причесана почти небрежно. Осматривается, замечает упавшее яблоко. Подбирает, обтирает об одежду. Садится в гамак, с треском откусывает от яблока огромный кусок. Раскачивается, с аппетитом вгрызаясь в яблоко.

Входит Феликс. В руках у него по-прежнему горшочек. На голове шляпа от солнца. Он бормочет себе под нос, поглядывая на горшочек. Роза перестает качаться и жевать, следит за ним с нарастающим беспокойством.

По ходу этой сцены солнце начинает садиться.

ФЕЛИКС: (*монотонно*) Мой отец, Джеймс Гамбл, п-преподавал биологию и разводил п-пчёл. Он был п-преданным суп-пругом и п-примерным отцом. П-память о нём...

РОЗИ: Слов с буквой "п" – явный перебор...

Феликс от неожиданности отскакивает, с трудом удерживает в руках горшочек.

ФЕЛИКС: Ах ты чёрт!

РОЗИ: *(протягивает яблоко)* Хочешь п-п-п... попробовать?

ФЕЛИКС: Рози? Рози! Рози...

РОЗИ: Хороший ответ.

ФЕЛИКС: Я хотел... Точнее, собирался... Несколько раз намечал... Даже п-планировал... Сначала думал приехать... потом засел за письмо... потом решил позвонить...

РОЗИ: А по электронке не додумался? Есть такой способ связи.

ФЕЛИКС: Прости...

РОЗИ: Ты не мог бы горшок на землю поставить? На минуточку. *(Едва он ставит горшок на землю, Рози подходит и с размаху отвечает ему пощечину.)* Сразу полегчало. Я долго ждала... Ну, а теперь поговорим как добрые друзья. Держи. *(подает ему горшочек)* Выкладывай, что с тобой стряслось.

ФЕЛИКС: Рози...

РОЗИ: Только тон смени.

ФЕЛИКС: Я сейчас объясню...

РОЗИ: Ладно, Феликс, что тут объяснять? Я в тебя влюбилась, а ты в меня нет. Ты старался, но ничего не вышло. Сказать об этом прямо ты не смог. По причине душевной недоразвитости. Попросту сбежал, нырнул с головой в работу. Ты не писал. Я пять месяцев ревела, не мыла голову, ну – всё как по нотам. Сначала я тебя любила. Потом ненавидела. А потом забыла. Вот и вся история. Вкратце.

ФЕЛИКС: Угу...

РОЗИ: Ходила к психоаналитику – ни черта не помогает. А вот тхэквондо – это находка! Корейское боевое искусство, самооборона без оружия, голыми руками... ногами... То, что доктор прописал. Техника захвата у меня хромает, зато боевой клич – образцовый. Сними-ка шляпу, хочу на тебя посмотреть. *(Феликс подчиняется)* Ага, ну теперь я спокойна.

ФЕЛИКС: О чем ты?

РОЗИ: Хотела убедиться, что больше в тебя не влюблена. Убедилась.

ФЕЛИКС: Много времени прошло...

РОЗИ: Семь лет, пять месяцев и четырнадцать дней.

ФЕЛИКС: Ты... даже дни посчитала?

РОЗИ: Шутка. Дней, часов и минут не считаю. А лет – да, около семи... Отец сказал, что ты здесь. Почему-то захотелось зайти.

ФЕЛИКС: Я растолстел.

РОЗИ: Вижу.

ФЕЛИКС: Подурнел.

РОЗИ: И это вижу.

ФЕЛИКС: Махнул на себя рукой.

РОЗИ: После смерти отца?

ФЕЛИКС: И до, и п-после. Сейчас совсем худо.

РОЗИ: Заикаться стал?

ФЕЛИКС: Иногда. Даже странно – то заикаюсь, то чисто. В детстве заикался, потом п-прошло. А недавно оп-пять началось. Я п-писал статью о п-природе черных дыр. Нужно было п-проследить связь с б-б-большим в3-в3-в3...

РОЗИ: Взрывом?

ФЕЛИКС: Да, спасибо. Так и не проследил. Умер отец, я поехал домой. И застрял. (*пауза*) П-просто не могу вернуться.

РОЗИ: А как же черные дыры?

ФЕЛИКС: Как вспомню о них – в голове как будто пчелиный гуд...

РОЗИ: (*обрывает*) Этого еще не хватало!

ФЕЛИКС: Не понял.

РОЗИ: Меня бросил гениальный физик, восходящая звезда! Не просто так бросил, а променял на нобелевку. Я себя так утешаю. А теперь что? Наука побоку, у него в голове – пчелиный гуд.

ФЕЛИКС: Мозг п-просто вскип-пает...

РОЗИ: Это из-за смерти отца. Переживаешь?

ФЕЛИКС: Мы не были с ним близки.

РОЗИ: Все равно, отец есть отец.

ФЕЛИКС: Мать была главнее. Всё вокруг нее вращалось. Она в центре, как солнце. Затмевала отца.

РОЗИ: Мать всегда в центре, Феликс.

ФЕЛИКС: Как гигантское светило. Медленно, но верно стягивает другие звезды к себе. А отец – крохотная частица, крутится потихоньку в своем мирке. Что их вместе свело – ума не приложу. Загадка природы! Точка пространства-времени известна: Лондонский университет, факультет биологии. Отец сдал экзамен, вышел на улицу. А мать как раз мимо п-проходила, остановилась – сигарету достать. Она манекенщицей была, шла подписывать контракт с агентством. Отец подошел и говорит: "Вы к нам с неба упали?" До агентства она так и не добралась.

РОЗИ: Обычная история – знакомство на улице. Ничего загадочного.

ФЕЛИКС: **Но отчего друг к другу их влекло? Какая сила сплавила их судьбы?**

РОЗИ: Может, эта сила – ты?

Феликс раздумывает с минуту.

ФЕЛИКС: *(качает головой)* Ничего не понять... И этот п-проклятый горшок в п-придачу.

РОЗИ: А что за горшок?

ФЕЛИКС: Внутри – прах.

Рози недоумевают. Потом догадывается, брезгливо морщится.

РОЗИ: Серьезно?

ФЕЛИКС: Показать?

РОЗИ: А он пахнет?

ФЕЛИКС: Нет, конечно.

РОЗИ: Тогда взгляну... одним глазком.

Он открывает крышку. Она принюхивается.

ФЕЛИКС: Не дыши на него!

РОЗИ: А мы маму похоронили. В гробу. Лучше, чем прах в горшке...

ФЕЛИКС: Зато он тут, со мной. Никак не могу... расстаться.

РОЗИ: Там что-то сверху... сор какой-то...

Феликс торопливо захлопывает крышку.

ФЕЛИКС: Не выдумывай!

РОЗИ: Феликс, это неразумно...

ФЕЛИКС: А кто спорит? Я не спорю...

РОЗИ: Когда мама умерла, я чуть не свихнулась от горя. Но взяла себя в руки, старалась не вспоминать, что ее нет. Может, это глупо, но помогло... Зато я вспоминала, как нам хорошо было вместе. (*осекается; пауза.*) Феликс, поверь, будет легче. Время не лечит, но примиряет.

ФЕЛИКС: Мирную делегацию зашлёт?

РОЗИ: Хотела тебя утешить...

ФЕЛИКС: Не надо меня утешать, ладно? Я лучше книжку куплю. Есть же такая? "Как эффективно горевать по умершим. Двенадцать легких шагов".

РОЗИ: Делай как знаешь. Успеха. *(собирается уйти)*

ФЕЛИКС: Розы, погоди. Прости, я не прав. *(пауза)* Понимаешь, я просто не помню, когда нам с отцом было хорошо вместе... Есть одно воспоминание – как мы высадку на луну по телевизору смотрим. *(умолкает)*

РОЗИ: Расскажи.

ФЕЛИКС: Я тогда мечтал стать астронавтом. *(Розы смеется.)* Не суди строго, мне было всего семь... Ясно помню: четыре часа утра, впервые в жизни так поздно не сплю. Глаза слипаются. И вот начинается отсчет секунд. Отец берет меня за руку – будто током ударило. Словно зарядил он меня, спать сразу расхотелось. Я чувствую, он весь на взводе. Сидим молча. Я на него взглянул – а он плачет. А мне только семь лет, и я не понимаю, что произошло. Отчего отец плачет... *(Розы смотрит на него, тянется, целует в губы.)* Что ты, зачем?

РОЗИ: Поставь горшок.

Забирает у него горшочек, ставит на землю.

ФЕЛИКС: Что ты делаешь?

РОЗИ: Феликс, расслабься. *(снова целует его)*

ФЕЛИКС: По-моему, это неправильно.

РОЗИ: Не волнуйтесь, пациент. Вы в руках опытного медработника.

ФЕЛИКС: А кто у нас медработник?

РОЗИ: Я. Выучилась на медсестру. После твоего отъезда.

ФЕЛИКС: Не может быть.

РОЗИ: А что ты думаешь – ты уехал – жизнь остановилась?

ФЕЛИКС: Нет, конечно.

РОЗИ: Сейчас учусь на акушерку. Расту над собой. Пациент, когда в последний раз занимались любовью?

ФЕЛИКС: Как медработник спрашиваешь?

РОЗИ: В незапамятные времена?

ФЕЛИКС: (*врет*) Недавно. В памятные.

РОЗИ: Не бойся, я в тебя не влюблена.

ФЕЛИКС: Тогда почему целуешь?

РОЗИ: Именно поэтому.

ФЕЛИКС: Нелогично.

РОЗИ: Не всё должно быть логично, Феликс. Даже в твоём наглухо задраенном звездолете.

ФЕЛИКС: Вот как.

РОЗИ: Сними это.

ФЕЛИКС: Не сниму. Перестань. (*она стягивает с него майку, потом футболку*) Ты обалдела!

РОЗИ: Это ты у меня сейчас обалдеешь.

ФЕЛИКС: Я не готов!

РОЗИ: Тебе будет хорошо.

ФЕЛИКС: Будет плохо, очень плохо.

РОЗИ: Расслабься и думай про большой взрыв.

ФЕЛИКС: Не надо. Прошу тебя. Мне страшно.

Рози отступает.

РОЗИ: Хотела тебя немного отвлечь.

ФЕЛИКС: Я понял. Ты прелесть. Ты прекрасная женщина, превосходная. А я – полный придурок...

РОЗИ: Смотри-ка, заикаться перестал. Сколько слов на "п"...

ФЕЛИКС: Еще одно добавляю – прости...

РОЗИ: Ты обещал назвать моим именем звезду. Сказал, откроешь звезду и назовешь ее Розы.

ФЕЛИКС: Я изучаю только погасшие звезды.

РОЗИ: Тогда черную дыру назови. Я не гордая.

ФЕЛИКС: Дыра по имени Розы?

РОЗИ: Соседи одобряют.

ФЕЛИКС: Знаешь, за что я тебя полюбил? Ты не стараешься казаться лучше.

РОЗИ: А лучше некуда, Феликс.

ФЕЛИКС: В том-то и дело. Зачем я тебе? Толстопузый...

РОЗИ: Мне всё равно. Я тебя вижу прежним. **Как в сотах нежный мёд, навек застыло время.**

Феликс подходит к ней, осторожно целует.

ФЕЛИКС: Я часто вспоминаю, как ты спала – на спине, закинув руки за голову. Мне нравилось на тебя смотреть.

РОЗИ: Нравилось, потому что во сне я молчу. *(Он снова целует ее, на этот раз долго, страстно; неловко обнимает. Розы высвобождается, подбирает горшочек, относит на безопасное расстояние.)* Простите нас, папаша Гамбл. Отвернитесь, пожалуйста. *(возвращается, томно виляя бедрами, изображает "роковую" женщину)* Десять. Девять. Восемь. Семь. Шесть. Пять-четыре-три-два-один-пуск! *(прыгает на него, седлает)* Внимание, центр, есть взлёт! *(слышно, как у дома тормозит машина)* Ах, Феликс, унеси меня в высокие травы.

ФЕЛИКС: В какие травы?

РОЗИ: Высокие, шелковистые... *(он обнимает ее и, неуклюже ступая, относит в гамак)* Астронавт мой, ты могуч!..

ФЕЛИКС: Не знаю, хватит ли пороху в пороховнице...

РОЗИ: Не хватит – подсыпем.

ФЕЛИКС: Раздеваться не буду.

РОЗИ: Не будешь – разденем... Я и забыла, какой ты... вкусный.

ФЕЛИКС: Пороховница может вообще не сработать.

РОЗИ: Как абрикос...

ФЕЛИКС: Ее, пожалуй, и не разглядишь. Без телескопа.

РОЗИ: Спелый, сладкий абрикос.

*Рози смеется – в голосе низкие, страстные ноты.
Феликс внезапно замирает.*

ФЕЛИКС: Тихо! Слышишь?

РОЗИ: Что такое?

Слышится смех за сценой. Флора и Джордж возвращаются в прекрасном настроении.

Джордж распевает песенку Гленна Миллера "Девчонка из Каламазу".

ФЛОРА: (смеется, голос) Жоржик!

ФЕЛИКС: Ах, черт!

РОЗИ: Без паники.

Они остаются лежать, притаившись, в гамаке или прячутся где-то в саду. Сумерки уже сгустились. Входит, точнее, вваливается Джордж. Он сильно навеселе. Парочку не замечает.

ДЖОРДЖ: Зайка, зайчонка! Бойкая девчонка! (натывает на улей, стучит по нему) Тук-тук, есть кто жжживой? Жжж... жжж... Это Жжжоржик прилетел! (находит свою шутку уморительной) Все жужжалки вышли вон... Жжж... Жжж... (жужжит от всей души, хохочет, наконец, кашляет и падает без сил в траву) Ох, притомился... (глядит на небо) Чтоб я сдох! Ничего себе луна! Зайчишка, скачи сюда! Луница как тарелка!

Лежа на спине, громко поет или насвистывает "Лунную серенаду" Гленна Миллера. Более-менее в такт дрыгает ногами. В глубине сцены появляется Флора. Она самую малость под хмельком. Не спеша идет по саду. Джордж тянет из травы руки.

ДЖОРДЖ: Потанцуем?

ФЛОРА: Тише! Ребенка разбудишь. А ему всего-то тридцать пять.
(смеется)

ДЖОРДЖ: Зайчик, гляди, какая луна, какое небо! Прыгай сюда, у меня к тебе срочное дело.

Она хихикает, но тут же осекается.

ФЛОРА: Угомонись. Пойду кофе сварю.

ДЖОРДЖ: Отставить кофе. У меня на него аллергия. Срочно ложись ко мне в травку.

Флора хихикает.

ФЛОРА: И не подумаю.

ДЖОРДЖ: Правильно, не думай. Прыг – и всё.

ФЛОРА: В траве мокро. Я этого не люблю.

ДЖОРДЖ: Мокро? Зайчик, тут сухо, как в танке! Как в мерседесе!

ФЛОРА: Жоржик, не ори.

ДЖОРДЖ: Жоржик – молчать! Жоржик – смирно!

ФЛОРА: Пойдем в дом, выпьем кофе.

Она направляется к выходу. Он с трудом поднимается на ноги.

ДЖОРДЖ: Зайчонок, ты куда... Ух, задик какой аппетитный... (Она вертит бедрами, демонстрируя «задик»; выходит.) Зайка! А у меня тут сухо. У меня тут Сахара! (пошатывается) Вся травка, блин, засохла... А мы сейчас польем. (растегивает штаны, выводит струей зигзаги на лужайке) Вот тут совсем солома... Зайка, твой садовник халтурит. Гони его в шею! Хорошо, что я у тебя – ого-го! Как из шланга! (хохочет,

замечает посреди лужайки горшочек с прахом) А это что за дрянь? Ночной горшок? (писает в горшочек, снова хохочет, расшаркивается перед горшком) Простите, виноват! (застегивает штаны) Зайчишка! Я спас твой сад! Упоил в дупель! (выходит, покачиваясь)

Рози садится в гамаке. Застегивается, приводит себя в порядок.

РОЗИ: Надеюсь, за руль не сядет.

ФЕЛИКС: Надо что-то делать.

РОЗИ: А с ним ничего не сделаешь. Захочет – сядет. Говорит, в нашей деревне гонять пьяным – самое оно.

ФЕЛИКС: Я не про то. Надо как-то его отвадить, чтоб он на мать виды не строил.

РОЗИ: Какие виды?

ФЕЛИКС: Ты что, не понимаешь? Он ее нагло домогается. А она сейчас не в себе, п-плохо соображает. У нее траур.

РОЗИ: По-моему, это ты плохо соображаешь.

ФЕЛИКС: Он, конечно, твой отец... Извини, но он пользуется ее положением.

РОЗИ: Ты, правда, ничего не знаешь?

ФЕЛИКС: А что я должен знать?

РОЗИ: Они вместе уже много лет. Ни для кого не секрет.

ФЕЛИКС: Как – вместе?

РОЗИ: У них роман уже лет пять-шесть. Как минимум. Я думала, ты в курсе. Прости уж.

ФЕЛИКС: Да они... Да я их...

РОЗИ: Феликс, нас с тобой это не касается. Они взрослые люди, разберутся.

ФЕЛИКС: Но я должен... Мы должны...

РОЗИ: Мы должны принять все как есть... Знаешь, мне пора.

ФЕЛИКС: Нет, Розы, не уходи. Остайся, давай поговорим.

РОЗИ: Моя мама давно умерла. Отец колол ей морфий каждые четыре часа. Она умоляла вколоть смертельную дозу, а он не смог. Я твою мать не слишком люблю, но хочу, чтоб отец был счастлив. Он заслужил.

ФЕЛИКС: Остайся, Розы.

РОЗИ: Не могу. Пора няню отпустить.

ФЕЛИКС: Няню? В больнице? (*Розы мотает головой.*) Чью няню? У тебя ребенок?! Да? Почему же ты ничего не рассказываешь?

РОЗИ: Потому что ты не спрашиваешь.

ФЕЛИКС: Прости. Не сообразил. Вот, спрашиваю. Расскажи... о младенце.

РОЗИ: (*сухо*) Спасибо, что спросил. Правда, она уже не младенец, довольно большая девочка.

ФЕЛИКС: Да-да, конечно. Большая девочка. Прости, я знал, но забыл... Упустил из виду... Странно, что у тебя – ребенок...

РОЗИ: На роль матери не гожусь?

ФЕЛИКС: Я совсем не то хотел сказать... Сам не понимаю, что несу...

РОЗИ: Говоришь, "знал, но забыл"?

ФЕЛИКС: Мать упоминала. Что у тебя ребенок родился. В скором времени...

РОЗИ: (*тихо, поспешно*) Вот именно, в скором времени.

ФЕЛИКС: Я был как раз страшно занят... Дела навалились... Надо было, конечно, написать, поздравить. Но я сомневался, прилично ли...

РОЗИ: Главное – приличия соблюсти.

ФЕЛИКС: Сколько ей сейчас?

РОЗИ: *(медлит, пристально смотрит на Феликса)* Скоро семь. Ее зовут Феликсина. Она похожа на своего отца. Не только именем.

ФЕЛИКС: Не понимаю... Рози! Что это значит?

РОЗИ: Ты же гениальный физик. А соображаешь довольно туго.

ФЕЛИКС: Но мать говорила... что у тебя были другие... что ты с другими...

Замолкает. Рози усмехается.

РОЗИ: А наш Феликс верит каждому слову мамочки.
(поворачивается, собирается уйти) Счастливо оставаться.

ФЕЛИКС: Стой, Рози, нам надо поговорить. Не уходи...

РОЗИ: Феликс, застегни штаны, а?

*Рози уходит. Феликс стоит неподвижно.
Медленно застегивает штаны. Слышится гудение – тон неприятный,
режет ухо. Гудение нарастает.*

ФЕЛИКС: Как же это... Не могу я быть... Какой из меня... Я не справлюсь...

*Ложится лицом вниз в траву, подле горшочка с прахом. Вытягивается
во весь рост.*

*Внезапно в глаза ему светит луч. Он поднимает голову, щурится.
Входит Джим, садовник. У него в руках фонарь и упаковка соли. Он
направляется на середину лужайки, где лежит Феликс. Гудение
становится тише, по крайней мере, смягчается неприятный тон.*

ДЖИМ: Добрый вечер! *(показывает соль)* Вот, охочусь на слизняков.

ФЕЛИКС: *(тычет пальцем себе в грудь)* Слизняк номер один.

*Джим протягивает руку, помогает ему встать. Шарит по темному
саду лучом фонаря. Наводит луч на улей, застывает. Фонарь внезапно
гаснет. Гудение смолкает.*

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Сцена 1

Конец августа.

В саду ждут гостей – большой стол накрыт на пять персон. Флора постаралась на славу. Второй акт начинается в светлое время дня, а заканчивается поздним вечером.

В саду Джим, прибирает там и сям. Замечает на земле горшочек с прахом. Машинально поднимает его, ставит на стол. Как только появляется Мурси, Джим уходит. Возможно, он уступает ей дорогу, но она его не видит.

Мурси несет огромную супницу с торчащим из нее половником. Ступает она крайне осторожно – ей явно непривычно ходить на высоких каблуках. Одета Мурси празднично, но аляповато. Она возбуждена.

МУРСИ: (кричит кому-то в дом) Донесла! (водружает супницу на стол, кричит) Флорочка! Тут у нас просто рай! (протягивает руку ладонью вверх – проверяет, нет ли дождя) И дождя вроде не ожидается! (принимается что-то поправлять в убранстве стола) Флорочка, одного стула не хватает! (Мурси ждет ответа, ответа нет. Она вздыхает, оглядывает сад, видит садовую табуретку, на которой недавно сидел Джим, и переносит ее к столу, но табуретка заметно ниже стульев.) Ну, ничего, я с краешку посижу, на низеньком...

Она пробует суп и морщится – в нем явно чего-то не хватает. Мурси находит солонку, досаливает суп и замечает горшочек с пеплом, который стоит рядом с солонкой. Снимает крышку и, приняв пепел за перец, щедро и радостно "перчит" суп. Пробует снова. И снова ее что-то не устраивает. Добавляет еще "перца". Пробует. Наконец, она довольна.

Входит щегольски одетый Джордж с цветами и бутылкой шампанского. Подкрадывается к Мурси, щиплет за задницу. Мурси совершенно счастлива – по всему видно, что к Джорджу она равнодушна.

ДЖОРДЖ: Вот он где, наш котик-Мурзик!

МУРСИ: Джордж!

ДЖОРДЖ: Сколько ж ты всего настряпала! Вкуснотища!

МУРСИ: Это гаспачо. Испанский супчик. Но, кажется, чего-то не хватает. Остроты, что ли...

ДЖОРДЖ: Испанский, говоришь? Где ж ты научилась его делать?

МУРСИ: Да я просто по реце...

ДЖОРДЖ: Попалась, радистка Мурси!

МУРСИ: Кто?

ДЖОРДЖ: Меня не проведешь, радистка-пианистка. Я тебя насквозь вижу! Ты участница Испанской войны! Над всей Испанией безоблачное небо! Припоминаешь?

Мурси хихикает, игриво хлопает его по руке, которая вновь тянется ее ущипнуть. Мурси очень лестно внимание Джорджа.

МУРСИ: (смеясь) Какая война? Я всю жизнь в нашем городке...

ДЖОРДЖ: Шалишь, Мурзилка! И как тебе испанцы, крепко целуются? У тебя, небось, красный комиссар под кроватью припрятан. Или вот тут, под юбкой? Наш пострел везде поспел! Карибский кризис – не пропустила? А падение Берлинской стены? Карибцы и берлинцы – тоже парни видные!

МУРСИ: Ой, щекотно, ой не могу!

ДЖОРДЖ: Лады, пошутили и будет. Где сама?

МУРСИ: В кухне, салат режет. А закуски и сладкое я на себя взяла. Пирожок с инжиром спекла, Флорочкин любимый.

ДЖОРДЖ: Ага, пирож-о-ок! Вот тут их два! (снова щиплет ее за задницу; Мурси хихикает.) А нас не пронесет с твоего инжира-то?

МУРСИ: (смеется) Ну что ты! Я сама всегда опасаясь, но этот инжир проверенный, я его в меду с тимьяном проварила.

ДЖОРДЖ: Ладно, пойду к ней.

МУРСИ: Ой, ну конечно, иди к Флорочке... Что я тебе голову
глупостями морочу...

ДЖОРДЖ: *(радостно потирая руки, направляется к крыльцу)* Скорей
бы за стол!

МУРСИ: А как ты думаешь, дождика не будет? Я сказала Флорочке –
не будет, а то она нервничает, что пасмурно... Но вдруг пойдет дождь?

ДЖОРДЖ: Нам не страшны ни дождь, ни облака!.. А где наследничек?

МУРСИ: Переодевается.

ДЖОРДЖ: За ум, значит, взялся?

МУРСИ: Да-да, он будет паинькой.

ДЖОРДЖ: Ну, добро, поглядим. Не то я ему устрою. *(На крыльце
появляется Флора; она безупречно хороша.)* Красота моя! Так бы и съел!

МУРСИ: *(шутит с некоторой натугой)* Оставь место для сладкого.

ДЖОРДЖ: Зайчишка!

*Не обращая внимания на Мурси, Джордж обнимает Флору, целует ей
руку. Мурси смущенно отворачивается.*

МУРСИ: Тучи-то какие черные!

ФЛОРА: Наш праздник не испортит ничто... И никто! Всем вести себя
прилично. Феликс мне уже обещал. И ты его, пожалуйста, не задирай.

ДЖОРДЖ: Я? Да я же смирный, ты знаешь!

Вручает Флоре цветы.

ФЛОРА: Спасибо.

Нюхает цветы. И на миг мрачнеет.

ДЖОРДЖ: Что такое, заяка?

МУРСИ: Хочешь, в вазу поставлю?

ФЛОРА: Да. И кликни Феликса. (*Мурси уходит; Джордж хочет понежничать с Флорой незамедлительно.*) Ее, между прочим, никто не приглашал... А она вечно... тут как тут... со своими пирожками... супчиками...

ДЖОРДЖ (*настойчиво, страстно*) Ну, здравствуй, зайка, я пришел...

Она уклоняется от ласк.

ФЛОРА: Джордж, а ты достал бы вино из холодильника. Скоро придет Роза, и можно садиться – все в сборе... (*ее голос под конец дрожит*)

ДЖОРДЖ: Что ты, зайчишка?

ФЛОРА: Вот и лето кончается...

ДЖОРДЖ: Ну, будет тебе, не кисни. Иди ко мне...

ФЛОРА: Так хочется, чтобы сегодня все прошло хорошо... мирно...

ДЖОРДЖ: Всё будет хорошо. А дальше – еще лучше. Заживем мы с тобой...

ФЛОРА: Да... Да... (*они целуются*) Вином-то займешься?

ДЖОРДЖ: Есть заняться вином.

Джордж выходит, напевая.

ДЖОРДЖ: *Любовь царит повсюду, куда ни кинешь взгляд,
Любовь царит повсюду, как сотни лет назад...¹*

Флора улыбается. Оставшись в одиночестве, она оглядывает сад. Вздрагивает. Проверяет стол, возвращает назад предметы, которые передвинула Мурси. Замечает горшочек с пеплом.

ФЛОРА: Господи, Феликс!..

Хочет убрать горшок, но в этот момент появляется Роза, и Флора оставляет горшочек на столе.

¹ John Paul Young – 'Love is in the air', 1978 (перевод поется на мотив оригинала)

РОЗИ: Здравствуйте, миссис Гамбл.

ФЛОРА: Розы. Я рада, что ты пришла. Мы так редко видимся!
Непростительно редко.

*После некоторого колебания они неловко обнимаются.
Розы вручает хозяйке дома бутылку вина.*

РОЗИ: Вот... Я, правда, в винах не разбираюсь...

Флора с сомнением смотрит на этикетку.

ФЛОРА: Вообще-то я итальянских вин не пью. Желудок не принимает. Но – спасибо – не пропадет. (*Розы понимающе улыбается, кивает; поддерживать беседу им непросто.*) Садись. Сейчас все соберутся.

Розы не садится.

РОЗИ: Красивый у вас сад.

ФЛОРА: Боюсь, захиреет теперь совсем.

РОЗИ: Цветы так сладко пахнут...

ФЛОРА: Разве? А я этим летом что-то не... Как твоя учеба?
Медсестрой хочешь стать?

РОЗИ: Я уже медсестра. Теперь учусь на акушерку.

ФЛОРА: Ах да, Джордж рассказывал. Тоже неплохо.

РОЗИ: Ага. Только папашки на родах надоели до смерти. Охают, причитают. По мне – так без них лучше рожать.

ФЛОРА: Хм-м-м...

РОЗИ: Наверно, потому что я как раз одна и рожала.

ФЛОРА: Наверно. (*с запинкой, хотя имя она знает прекрасно*) А как поживает твоя... ммм...

РОЗИ: Феликсина.

ФЛОРА: Да-да, пора уже мне запомнить.

РОЗИ: Замечательно поживает. На данном этапе ее мечта – научиться делать прямой пробор. Чтоб как стрела.

ФЛОРА: Надо было ее с собой взять.

РОЗИ: Сюда? Не думаю. Я еще не готова.

Пауза.

ФЛОРА: Как же я мечтала о дочке! Всю беременность была уверена, что внутри у меня растет маленькая Дженни. Вязала розовые кофточки. А родила Феликса.

РОЗИ: А Флисси выпрашивает братика.

ФЛОРА: Я о втором и не думала – у меня же одна труба вообще непроходима, а другую ради Феликса продувать пришлось. Так что я родила сына и почила на лаврах. Вообще, странно. Родился ребенок – и ты должна всё бросить и вокруг него бегать...

РОЗИ: Хм-м-м.

ФЛОРА: *(неловко и неискренне)* Ты приводи ее... не сегодня, так в другой раз. Пусть в саду поиграет.

РОЗИ: *(смотрит на нее пристально)* Вы ему даже не сказали, что Феликсина – его дочь. Он ничего не знал.

ФЛОРА: *(осторожно)* Я изложила факты. Что знала, то рассказала. Остальное на твое усмотрение оставила.

РОЗИ: Ваша мудрость не знает границ.

ФЛОРА: Мне помнится, когда Феликс уехал, у тебя было много... ухажеров. И вообще, мы о тебе особенно не вспоминали.

РОЗИ: Ну, еще бы. С глаз долой – из сердца вон. Да и не того полета я птица, чтобы обо мне помнить. Ладно, проехали. Сейчас бы я развернулась да дверью хлопнула. От всей души, чтоб уж навсегда. Но отца жалко. Ирония судьбы, да?

*Возвращается Джордж с бутылкой вина.
За ним идет Мурси – несет вазу с цветами, ставит на стол.
Джордж шумно радуется приходу Розы.*

РОЗИ: Вот и сам Ромео. Здравствуйте, Мурси.

МУРСИ: Здравствуй, детка. Ты такая хорошенькая, прямо красавица!

ДЖОРДЖ: Красавицей не назову, но характера моей дочке не занимать.
За то и люблю.

РОЗИ: И на том спасибо.

МУРСИ: Как наша Флисси?

РОЗИ: Электровеник.

ДЖОРДЖ: *(украдкой обращается к Розы)* Дочка, выше нос!

РОЗИ: Выше некуда.

ДЖОРДЖ: Вот и умница.

РОЗИ: Давайте пить вино!

ДЖОРДЖ: Веселье объявляю открытым!

Джордж начинает разливать вино по бокалам.

МУРСИ: Мне совсем капельку.

ФЛОРА: Где же Феликс?

МУРСИ: Я его кликнула, он сказал – сейчас спустится. Он почту разбирает.

ФЛОРА: *(ошарашенно)* Почту?

Джордж усаживает Флору.

ДЖОРДЖ: Да не напрягайся, садись. Придет твой принц, никуда не денется.

Флора и Розы садятся.

РОЗИ: Мурси, садитесь рядом со мной.

МУРСИ: О, спасибо, детка.

*Джордж садится во главе стола, напротив Флоры.
Свободным остается одно место – маленькая садовая табуретка.*

ДЖОРДЖ: Тут созрел тост. Поднимем бокалы! За Флору! Чтоб это... была счастлива!

Они чокаются, пьют. Появляется Феликс в костюме, который Мурси принесла из благотворительного магазина. Костюм ему мал – рукава и брюки до смешного коротки. На самом деле, это один из старых костюмов его отца. Флора, увидев Феликса, давится вином. Остальные бурно реагируют на его приход.

ФЕЛИКС: Эй, подождите! Не пейте без меня!

*Хватает бокал, поднимает.
Рукав короткий – рука голая почти до локтя. Бокал пуст.*

ДЖОРДЖ: *(вполголоса)* Ну, хорош...

РОЗИ: *(ее разбирает смех)* Феликс, костюмчик-то не сидит.

МУРСИ: Я же говорила – тесноват...

ФЛОРА: Где ты взял этот костюм?

ФЕЛИКС: В благотворительном магазине.

МУРСИ: А хочешь, я удлиню рукавчики? Надо чуть подпороть швы...

ФЛОРА: *(Феликсу)* Как ты мог?

МУРСИ: Я быстренько – пять минуточек.

ДЖОРДЖ: Да плюнь, зайка. Не голый, и ладно.

Феликс наливает себе вина.

ФЛОРА: Это костюм Джеймса. Он надел костюм покойника.

МУРСИ: Ой! Господи боже, как это я не досмотрела...

ФЕЛИКС: Ради тебя приоделся, мама.

РОЗИ: Ну, поворотись-ка, сынку!

ФЕЛИКС: Матушка всегда требует, чтоб я был при параде. Даже в сортир...

ДЖОРДЖ: Ты это... переоденься.

ФЕЛИКС: Гертруда, пусть за принцем последят... Мне кажется, основа здесь все та же – смерть короля и ваш поспешный брак...

ФЛОРА: Не обращай внимания, Джордж. Чудный костюм. Чудный. И мы сейчас будем веселиться. Меня ничем не расстроит, ничем. Феликс, ты неотразим. (*отпивает вино из бокала*)

ФЕЛИКС: Что у нас на обед?

МУРСИ: Гаспачо. Супчик испанский...

ФЕЛИКС: Знаем, едали... Пальчики оближешь!

МУРСИ: Первый раз приготовила. Надеюсь, будет вкусненько.

*Феликс садится на табуретку.
Его голова едва видна над краем стола.*

ФЛОРА: Возьми нормальный стул.

ДЖОРДЖ: И так посидит.

ФЕЛИКС: Конечно, посижу. Мне по статусу полагается ниже плинтуса.

ДЖОРДЖ: Ну и не вылазь.

МУРСИ: Вот я сейчас налью всем супчику.

ФЕЛИКС: (*обращается к Розе, с запинкой*) А как... Феликсина?

РОЗИ: Замечательно. У подружки на дне рождения.

ДЖОРДЖ: Дом, небось, разносит.

*Мурси встает и начинает разливать суп по тарелкам.
Постепенно обходит стол.*

ДЖОРДЖ: Зайка, улыбнись!

ФЕЛИКС: Простите. Все простите. Каюсь. Но не могу удержаться – назрел вопрос. Да, я старомоден, и меня это глубоко... травмирует. Мою мать регулярно, пусть и с самыми нежными намерениями, называют... зайцем. Почему?

ДЖОРДЖ: Потому что ей нравится!

ФЛОРА: Феликс, я, несомненно, – зайка! Это факт моей биографии.

ФЕЛИКС: Что?

ФЛОРА: В юности, в благословенную, хотя и короткую, пору я позировала для 'Плейбоя', в костюме зайки.

ДЖОРДЖ: С пушистым хвостиком!

РОЗИ: *(себе под нос)* Тогда все понятно.

ФЕЛИКС: И что случилось с зайкой? Подхватила миксоматоз? Кроличью заразу?

ФЛОРА: Нет, вышла замуж за твоего отца... Он увез меня в эту богом забытую дыру. Гнить заживо. А была, была у меня когда-то иная жизнь... И началась она отнюдь не с твоего рождения, Феликс. Тебя это огорчает? Ты что-то сказала, Розы?

РОЗИ: Очень вкусно, миссис Гамбл.

ФЛОРА: Это Мурзик стряпала.

РОЗИ: Пицца богов, Мурси. Дадите рецепт?

ФЛОРА: Разумеется, я была тогда стройна как лань. Пока сын – вот этот самый – не лишил меня фигуры и молодости. *(Мурси подходит к Флоре – налить суп)* Нет-нет, мне не надо, спасибо.

МУРСИ: Ну, Флорочка! Один половничек?

ФЛОРА: Я совершенно не голодна. У меня вообще что-то нет аппетита в последнее время.

ФЕЛИКС: У тебя аносмия.

ФЛОРА: Что это?

МУРСИ: Анемия?

ФЕЛИКС: Аносмия.

РОЗИ: Может, анорексия?

ФЕЛИКС: Нет. Аносмия. Потеря обоняния. Всегда влияет на аппетит.

ФЛОРА: Что? Почему?

ДЖОРДЖ: Что за хрень? Все у нее в порядке с обаянием!

РОЗИ: Папа!

МУРСИ: Может это из-за операции?

ФЕЛИКС: Пластика носа тут не причем.

РОЗИ: Вы сделали себе новый нос?

ФЛОРА: Ничего подобного. Небольшая коррекция. Ерунда.

ДЖОРДЖ: На хрена нам тут втирать? Все у нее в порядке с носом. И другими частями тела тоже. Регулярно инспектирую.

ФЕЛИКС: Ведь умеет сказать человек! Преподнести! Златоуст!

ДЖОРДЖ: Я тебя просил – не вылазь!

МУРСИ: А хлебушка к супчику? Никто не хочет?

ФЕЛИКС: Матушка, аносмия у вас началась, как только умер отец.

РОЗИ: Нет, Мурси, спасибо.

ДЖОРДЖ: Эй, ты! Упор-присев и бегом марш! А еще лучше – найди утес повыше и вниз, с разбегу.

ФЛОРА: Джордж.

ФЕЛИКС: Думаете, это лучший способ?

ДЖОРДЖ: Чё спросил?

ФЕЛИКС: Нет, правда, мне интересно! Какой, по-вашему, наилучший способ расстаться с жизнью? Еще вина, матушка?

*Флора протягивает свой бокал.
Феликс обходит стол, подливая всем вина.*

РОЗИ: Таблетки. Только не парацетамол. Его хоть сто пачек выпей – не помрешь, только печень посадишь.

ФЕЛИКС: Глас медработника!

РОЗИ: А самое страшное – выпить серной кислоты. Все внутри сгорает.

МУРСИ: Какие-то у нас темы... не к столу будь сказано.

ФЛОРА: Я бы сунула голову в духовку.

ФЕЛИКС: О! Выбор домохозяйки.

ФЛОРА: Всё лучше, чем чистить эту самую духовку.

МУРСИ: Я не смогу газом отравиться, у меня газ-контроль.

РОЗИ: Это не сработает.

МУРСИ: Почему, у меня работает. Зажигать, правда, сложновато.

РОЗИ: Нет-нет, я как раз имела в виду, что все предусмотрено. В духовке теперь не отравишься.

ФЛОРА: Так разбиваются мечты...

ДЖОРДЖ: *(медленно, раздумчиво)* Кусок садового шланга. Проще пареной репы.

ФЕЛИКС: *(резко)* Что?

ДЖОРДЖ: Самое милое дело – в машине. Цепляешь шланг на выхлопную трубу, забираешь хвост в салон. Задраиваешь окна. Наливаешь виски, врубаешь Гленна Миллера: сперва “Чаттануга Чу-чу” или “Пенсильванию”. А потом “Лунную серенаду”. И отбросил копыта.

РОЗИ: Папа!

ДЖОРДЖ: Окстись, Рози. Я же не про себя. Что я, дурак, жизни решаться?

ФЕЛИКС: Кусок шланга. Запомним.

ФЛОРА: А сам-то что скажешь, Феликс? Какой способ предпочитаешь?

ФЕЛИКС: Ну, в идеале, я бы нырнул в черную дыру.

ДЖОРДЖ: Нет возражений!

ФЛОРА: Почему именно в черную дыру?

ФЕЛИКС: Просто так. Прихоть.

ФЛОРА: Скажи!

ФЕЛИКС: Хочу посмотреть, что внутри.

ДЖОРДЖ: На что там смотреть-то? Черно, небось, как в...

ФЕЛИКС: Физик-теоретик всегда найдет, на что посмотреть.

РОЗИ: Особенно, если он всю жизнь просидел в четырех стенах.

ФЕЛИКС: Физики-теоретики вообще домоседы. Зато кое-что знают.

РОЗИ: Так давай, просвети нас.

ФЕЛИКС: Значит так: ныряешь в черную дыру, пересекаешь горизонт событий. Вытягиваешься в струну и мчишь в бесконечность, в начало начал. В точку, где все математические уравнения ломаются, превращаются в ничто. И там – взрываешься на миллиарды осколков. Мечта!

РОЗИ: Слушай, какая-то невеселая история, а?

ФЕЛИКС: Нет, это очень красиво. Смысл в том, что это не конец. Ты не умер, ты длишься дальше.

РОЗИ: Только ты – уже не ты. От тебя остались одни осколки.

ФЕЛИКС: Осталась суть. И это практически бессмертие. Частицы моего тела перемешаются и родят новую вселенную.

РОЗИ: Не проще ли родить ребенка? Это тоже бессмертие.

ФЛОРА: Ты мечтаешь о бессмертии, Феликс? Не ожидала от тебя этой простой человеческой слабости. Тогда оставь след здесь, в этом мире.

МУРСИ: Что-то никто мой супчик не ест.

ФЕЛИКС: А отец? Он оставил след в этом мире?

ФЛОРА: Нет. Печально, но факт. Он это и сам понимал.

ФЕЛИКС: Знаешь, мать, как-то раз астрономы навели телескоп на небо, на пылинку какую-то, пустую и жалкую, и увидели, что эта пустота кишмя кишит галактиками. Увидели звезды, которым уже миллиарды лет... а люди и понятия не имели, что они там есть.

ФЛОРА: (*резко*) Ты на что намекаешь, Феликс?

ДЖОРДЖ: Да уж. Выкладывай. Если есть, что сказать.

МУРСИ: Может, сначала съедим супчик, а?

ФЕЛИКС: А я думал, это вы с матерью хотите нам что-то сказать.

МУРСИ: Сейчас хлебушка принесу.

ФЛОРА: Сидеть, Мурзик. Ты же боялась пропустить торжество – вот и сиди, радуйся.

Мурси садится.

РОЗИ: Феликс, не усложняй. Ты прекрасно знаешь их планы.

МУРСИ: Пусть поест. Он злится, потому что голодный.

РОЗИ: Ну, поженятся они. Делов-то? Зачем принимать это так близко к сердцу?

МУРСИ: Вы – женитесь?

ДЖОРДЖ: На днях!

МУРСИ: *(упавшим голосом)* Ох... Рада за вас.

ФЕЛИКС: *(поднимая бокал)* А уж я как рад! Ну, давай, Мурзик! Поднимем бокалы за молодых! Флора Коррова – это же песня!

ДЖОРДЖ: Плевал я на твои подколки, *сынуля...* Слюной.

ФЕЛИКС: А я, *папуля*, не с вами говорю, а с матушкой. Ну скажи, положи руку на сердце: что ты в нем нашла?

МУРСИ: О, Джордж замечательный человек! Он – добрый! Только это не всякий заметит.

ДЖОРДЖ: Спасибо, Мурзилка.

МУРСИ: Я от всего сердца.

ФЛОРА: Феликс, без твоего благословения я, разумеется, обойдусь. Но, все же... Может, расщедришься?

ФЕЛИКС: А не поздно благословения просить? Отец умер два месяца назад, но...

ФЛОРА: Наконец-то! Наш Феликс вернулся с небес на землю!

ФЕЛИКС: ... но у тебя роман много лет. Об этом знают все до единого. Только отец не знал.

РОЗИ: Феликс, прекрати.

МУРСИ: Я тоже не знала...

ФЕЛИКС: Как ты могла? Как ты могла предать отца?

РОЗИ: Напрасно ты это затеял.

ФЛОРА: Джеймс все знал.

ДЖОРДЖ: Что?!

ФЛОРА: Я рассказала ему о Джордже. Твой отец знал, что я его люблю, но мне этой любви мало. Он понял и принял.

ДЖОРДЖ: Ты... обо мне... Джеймсу? Зачем? И почему мне не сказала?

ФЛОРА: Тебя это не касалось.

ДЖОРДЖ: Должна была сказать!

ФЕЛИКС: *(хохочет)* Браво, мать! Великий стратег и тактик!

ФЛОРА: Твой отец был благороден. И умел прощать.

ДЖОРДЖ: *(переваривая новость)* Он знал... а я не знал, что он знает... и он знал, что я не знаю, что он знает... Он меня обскакал! Победил!

ФЛОРА: Вопрос не в победе. А в равновесии.

ДЖОРДЖ: И ладно. Сейчас это не имеет роли. Тьфу, не играет значения.

ФЕЛИКС: Вы уверены, Джордж?

ФЛОРА: Феликс, ты норовишь превратить праздник в трагедию. Ничего не выйдет.

ФЕЛИКС: Мой отец упал и умер в этом самом саду. А ты была рядом, в доме, но тебя волновал только новый нос. Ты ждала, что он вернет тебе утраченную молодость – и прыг-скок зайка. Коррове под бочок.

ДЖОРДЖ: Не наглей!

ФЕЛИКС: А отец лежал тут и умирал. Сердце у него трепыхалось, билось, как птица в клетке...

ФЛОРА: Нет, все было не так. Никакой птицы в клетке... Он вообще не от сердечного приступа умер.

ДЖОРДЖ: Да-да, парень, соберись! Щас такое услышишь!

ФЕЛИКС: *(ошарашен)* Отчего же он... умер?

МУРСИ: *(встревоженно)* Флора.

ФЛОРА: Дай мне сигарету, Джордж.

ДЖОРДЖ: Ты же не куришь!

ФЛОРА: Обычно нет, но как не закурить... в приятной компании...
Джордж дает ей сигарету, щелкает зажигалкой.

ФЕЛИКС: Мать, говори!

МУРСИ: Флорочка, не надо.

ФЕЛИКС: Ну, не тяни!

ФЛОРА: Нет уж, Мурзик, скажу. Он сам напросился.

ФЕЛИКС: Что вы с ним сделали? **Налили в ухо спящему вы яду? Тлетворный сок полночных трав?** Признавайтесь!

ФЛОРА: Признаваться не в чем. Мы с Джорджем совершенно не причем. Это пчелы. Джеймса Гамбла убили его любимые пчелы.

МУРСИ: Да, такая трагедия!

ФЛОРА: Ну, какая же это трагедия? Чистой воды фарс! История разом и печальная, и душераздирающая, и идиотская, и назидательная, а главное – предельно, гомерически смешная.

ФЕЛИКС: Не понимаю...

ФЛОРА: Хочешь умное слово? Анафилактический шок. У него оказалась аллергия на пчелиный укус.

ФЕЛИКС: Б-бред какой! Он столько лет держал п-пчел.

РОЗИ: Иногда аллергия проявляется с возрастом. А человек не знает.

ФЛОРА: Спасибо, Розы. Но тебя не вызывали. *(Джорджу)* Вырастил медсестру на мою голову.

ФЕЛИКС: Продолжай!

ФЛОРА: Он знал про аллергию, но отказаться от пчел не мог. И пусть это послужит тебе уроком. Навязчивые идеи вредны для здоровья.

ФЕЛИКС: П-почему же он не б-берегся?

ФЛОРА: *(пожимает плечами)* Если это тебя утешит – пчела тоже умерла. Я нашла отца на лужайке, рядом валялась пчела. Оба не шевелились, но я на всякий случай наступила... на пчелу – чтобы мокрого места от злодейки не осталось. Есть в этом звуке – когда тельце пчелы хрустит под подошвой – что-то завораживающее. Понимаешь, что дело сделано.

ФЕЛИКС: Я не могу больше слушать!

ФЛОРА: Твой отец всегда говорил, что конец – это конец, что жизнь строго отмерена и длить ее не пристало. Пчелам положено столько-то взмахов крыльев, и когда запас иссякает, они просто падают на землю. То же самое с ударами сердца у людей. Конечно, Джеймс бы вряд ли обрадовался, что ему такая маленькая порция досталась. Но... пчелы на судьбу не сетуют. Конец так конец.

Флора решительно тушит сигарету.

ФЕЛИКС: Почему ты мне сразу не рассказала?

ФЛОРА: Официальная версия – сердечный приступ. И мне она удобнее.

ФЕЛИКС: Удобнее?!

ФЛОРА: Ради него самого. Чтоб не выглядел идиотом.

ДЖОРДЖ: Не играет значения.

ФЛОРА: Джордж, что за безграмотность? Не играет роли!

ДЖОРДЖ: Мы с твоей матерью все равно поженимся. И плевать на тебя хотели.

РОЗИ: Феликс, после этой свадьбы мы с тобой станем братом и сестрой, а твоя дочь – твоей племянницей. Уж не знаю, утешит это тебя или окончательно снесет крышу.

ФЛОРА: Ох, Рози, умеешь ты разговор поддержать.

ДЖОРДЖ: Рози! Но ведь Флисси не от него... Ты мне клялась...

ФЛОРА: Ну, конечно, не от него!

МУРСИ: Я не могу... я не выдержу...

Мурси начинает тихонько плакать.

ДЖОРДЖ: Рози, ты говорила... это тот, патлатый... ты клялась, что не от Феликса!

РОЗИ: Феликсина – дочь Феликса.

ФЛОРА: Без анализа ДНК ничему не верю.

ДЖОРДЖ: Розинька, ну ведь ты же не знаешь наверняка?

РОЗИ: Я мать. И знаю наверняка.

ФЛОРА: Она врет. Мне рано быть бабушкой!

РОЗИ: Я не вру.

ДЖОРДЖ: Но доказать не можешь! Верно, дочка?

ФЛОРА: Да чем она докажет?

ФЕЛИКС: *(в отчаянии)* Рози! Я живу с этим уже месяц, п-пытаюсь осознать, свыкнуться... Дорости до отцовства. П-пожалуйста, скажи мне п-правду.

РОЗИ: Я и говорю. Когда ты уехал, у меня была пара... связей, но...

ФЛОРА: Стоп-стоп. Уж прости, но разве всего "пара"? Да люди со счету сбились.

РОЗИ: Папа, скажи им...

ДЖОРДЖ: Рози, детка, ты же и правда того... погуливала...

РОЗИ: Погуливала? Да я заживо умирала!

Феликс встает.

ФЕЛИКС: П-простите. Я не могу больше.

ФЛОРА: Сядь. С похорон сбежал – сейчас терпи. Я заслужила хоть каплю уважения от сына?

ФЕЛИКС: За что?

ФЛОРА: За то, что я – твоя мать.

ФЕЛИКС: Мать – это звание. Не всякая заслуживает. Мать... она ведь не просто рождает, да? Она растит... бережет... любит... У тебя с этим полный швах.

ФЛОРА: Что?

ФЕЛИКС: Ты меня не любишь.

ДЖОРДЖ: Парень, включай тормоза!

ФЛОРА: Разумеется, люблю. Ты мой сын.

ФЕЛИКС: Одно из другого не вытекает. Сама знаешь.

ФЛОРА: Что ты несешь?

ФЕЛИКС: Да, ты старалась меня полюбить. Но – не вышло.

Джордж достает и надевает наушники.

РОЗИ: Феликс, ты же ничего не знаешь про любовь. Сам шарахаешься от нее, боишься. Любовь – не таблица умножения. Если с одной стороны дважды два, то с другой не факт, что четыре. А сам ты вообще... непостоянная величина. Папа! Сними наушники!

ДЖОРДЖ: Не хочу слушать – дрянь разговор.

Включает музыку, барабанит по столу в такт.

МУРСИ: Лучше и не быть постоянным в любви... Это признак слабости...

ФЛОРА: *(обращаясь к Мурси)* Господи! Ты-то чего ревешь?

МУРСИ: Супчик мой... впору на помойку вылить.

ФЛОРА: Тебя все это вообще не касается.

РОЗИ: Мурси, пожалуйста, не плачьте! Прошу вас!

ФЛОРА: Да сними ты эти чертовы наушники!.. Джордж!.. Сейчас сама сниму, вместе с ушами!

ДЖОРДЖ: *(не слышит ее)* Что?

Снимает наушники.

РОЗИ: *(Джорджу)* Мурси расстроена.

МУРСИ: *(плачет)* Простите, простите все... Со мной случается... Вдруг накатит... такая печаль, такая тоска невыразимая... Я лечусь, пью травки...

РОЗИ: Помогает?

МУРСИ: Да. Нет. А как поможешь человеку, который служит беззаветно... не щадя себя... всю жизнь... а впереди полный мрак...

ДЖОРДЖ: Мурзилка, да о чем тебе плакать?

ФЛОРА: Как о чем? Замуж не вышла и не выйдет, одевается как пугало, да еще втюрилась в тебя, Джордж. Раз – и на всю жизнь.

РОЗИ: А вы... стерва.

МУРСИ: *(Флоре)* Что ты такое говоришь?

ФЛОРА: Чистую правду.

МУРСИ: *(ужасно смутившись)* Нет! Нет! Нет. Я не втюрилась... То есть, Джордж мне очень нра... но я никогда... я не... Ты ужасные вещи говоришь, Флорочка.

РОЗИ: Ваша Флорочка никого тут в грош не ставит.

МУРСИ: Да вы все... Посмотрите на себя. Что хорошего в ваших романах-то? А я рада, что никому не призналась... Что никто ничего не знает.

ДЖОРДЖ: Я ни сном ни духом!

МУРСИ: Ты, Флорочка, нас, провинциалов, считаешь бескультурными. Будто мы – деревенщина.

ДЖОРДЖ: Ага, второй сорт.

МУРСИ: Флорочка, я, конечно, не велика птица, сама знаю. Но даже я не потеряю. Я тебя всегда уважала... защищала... помогала... всегда...

ФЛОРА: Да у тебя собственной жизни нет, вот и присосалась ко мне, как пиявка.

ДЖОРДЖ: Флора, не наезжай.

ФЛОРА: Я к тебе в подруги не набивалась. Нас свела... география. Меня отправили в пожизненную ссылку! В деревню, в дыру у черта на куличках! Скука, тоска кромешная! Идиллия, черт бы ее побрал!

ФЕЛИКС: *(с неожиданной решительностью)* Мать, замолчи. Довольно! Ты уже достаточно наговорила. Мурзик права, все мы хороши... А сегодня чудесный денек... Давайте обедать! Несмотря на разногласия сторон. *(Пауза.)* Мурзик, скажи за нас молитву. И будем есть твой замечательный суп.

МУРСИ: Да я не...

ФЕЛИКС: Пожалуйста. И мы все сейчас успокоимся. Вдохнем поглубже. Выдохнем. Ну вот.

Все за столом стихают.

МУРСИ: Ну что ж... *(Мурси встает. Она отчаянно старается не смотреть на Джорджа.)* Джордж, все это – неправда. Я не втюри... не испытываю к тебе таких чувств.

ДЖОРДЖ: Да забудь.

МУРСИ: Мне важно, чтобы ты это знал.

ДЖОРДЖ Вот. Знаю.

*Мурси держится за край стола – ноги у нее подкашиваются.
Все – возможно, кроме Флоры, – склоняют головы.*

МУРСИ: Молитва. За все, что мы собираемся вкусить... Супчик мой, правда, никто не вкушает, а я его до двух часов ночи делала. Старалась, мучилась – специи-то особые нужны, а где их взять? Состряпала из чего Бог послал... Бог, Он такой, всегда посылает... И тебе, Феликс, пошлет, хоть ты в Него и не веришь. Вам, научным сотрудникам, Бога не полагается, потому что у вас и так есть ВСЁ. А у меня кроме Него ничего нет, но я тоже от Него не в восторге. Как посмотришь, что кругом творится... Джеймс от любимой пчелки смерть принял. Флисси наша при отце-то живом без отца растет. Флорочка мне ужасов наговорила. У шмеликов и пчелок взмахи крыльев кончаются, и они на землю падают... Джеймс объяснял по-научному, мол, всё отмерено, и взмахи крыльев, и удары сердца. Всему свой срок. Да ведь от этого не легче... Еще больнее даже. У меня в жизни ничего нет – ты, Флорочка, правильно сказала. В самое сердце ударила... Я-то думала, с Божьей помощью не зазря живу – цветы в церкви расставляю, в приходе помогу, сироткам одежду подберу. Но видно и мне срок пришел – отдалилась я от Него... Может, просто отпуск взяла, как ты, Феликс от науки своей – подумать, как дальше быть? Не сходятся у меня концы с концами, не пойму я, как Он, Бог этот наш, безобразия такое натворил. Прямо скажу, нехорошо это с Его стороны. Вот и пусть Он, хоть я на Него и в обиде, исправится и так сделает, чтобы всем нам, всем, до единого, было, наконец, за что Его благодарить! Конец молитвы. Аминь.

ДЖОРДЖ: Аминь.

ФЕЛИКС: Спасибо, Мурси. Прекрасные слова.

ДЖОРДЖ: Есть-то будем? У меня уже живот подвело. (*Джордж начинает есть суп.*) Вкуснятина.

РОЗИ: И специи чувствуются, Мурси. Всё – как надо.

МУРСИ: Не слишком остро?

ФЕЛИКС: Нет, в самый раз.

*Все едят, нахваливая то суп, то саму Мурси.
Внезапно Флора откладывает ложку.*

ФЛОРА: Минутку.

ФЕЛИКС: (*предупреждающе*) Мама, опять?

ФЛОРА: Я настаиваю, чтобы Феликс убрал со стола... отца.

*Феликс берет горшочек с пеплом. Прижимает к себе.
Мурси не сводит глаз с горшочка.*

МУРСИ: Так это?..

ФЛОРА: Да. Останки. Прах. Феликс, видите ли, еще не дозрел развеять прах по ветру. Но ставить его на праздничный стол?! Благодарю, Феликс, ты очень любезен.

МУРСИ: Нет! Нет! Нет же! Не ешьте! Стойте! Простите меня все...

ДЖОРДЖ: Мурзилка, ты чего всполошилась-то?

МУРСИ: Умоляю! Я перепутала! Не так сделала! (*Она поспешно отбирает у всех тарелки и выливает содержимое обратно в супницу.*) Всё испортила. Опасно для жизни! Простите. Отдайте.

ФЛОРА: Ты же мечтала, чтобы мы ели твоё варево.

МУРСИ: Нет! Уже не мечтаю! Нельзя его есть! Я уйду. Сегодня ужасный день...

РОЗИ: Мурси, день чудесный. И суп очень вкусный.

МУРСИ: Нет. Нет. Нет. Умоляю, простите. Вы тут поговорите, побеседуйте. А мне надо срочно... на кухню. Там у меня пирог с инжиром.

Мурси хватает супницу и торопливо уходит в дом.

ДЖОРДЖ: Совсем с катушек слетела.

ФЛОРА: А ты? Принял ее сторону! Против меня!

ДЖОРДЖ: Почему против? Просто жалко ее стало.

ФЛОРА: Мало ли на свете несчастных и убогих? Я не виновата.

ФЕЛИКС: Мама, пойдй извинись.

ФЛОРА: С какой стати?

ФЕЛИКС: Просто – извинись.

ФЛОРА: И не подумаю.

ФЕЛИКС: Она одинока, молится на тебя, как на икону. Ну что тебе стоит? Скажи, что не хотела ее обидеть. Сама же завтра пожалеешь.

Пауза. Флора встает.

ДЖОРДЖ: Хочешь, вместе сходим?

ФЛОРА: Вот уж нет! И вообще – я буквально на минуту.

Флора уходит в дом. За столом остаются трое: Джордж уже изрядно пьян, Розы притихла, Феликс прижимает к себе горшочек с прахом.

РОЗИ: Что ж, праздник удался.

Джордж в упор разглядывает Феликса.

ДЖОРДЖ: Кого-то он мне напоминает...

РОЗИ: Папа.

ДЖОРДЖ: О! Клоуна в цирке! Ну ты, шут гороховый, я ведь все равно женюсь на ней, на твоей матери, так что хватит тут выдрючиваться...

РОЗИ: Папа. Перестань. Есть у нас другие темы, кроме твоей женитьбы? Неужели не о чем поговорить без ругани? (*Пауза затягивается; тишина*) Ясно, практически не о чем. Ну, давайте все же попробуем?

ФЕЛИКС: Путь Глена Миллера к славе был долог и тернист, верно?

ДЖОРДЖ: Верно.

Пауза.

РОЗИ: Неплохо. Вторая попытка.

Пауза.

ДЖОРДЖ: А вы знаете, почему я назвал свои автобусы, фирму свою, "Летучие Корровы"?

РОЗИ: Пап, опять задираешься?

ДЖОРДЖ: Нет-нет, Рози. Тема вполне кошерная. Он меня сам спрашивал. Вот и расскажу.

ФЕЛИКС: Да, коровы полетели... Скоро осень? Вопрос возникает.

ДЖОРДЖ: *(не улавливает иронии)* Видишь, дочка – разговариваем. Давай, спроси вопрос.

ФЕЛИКС: Так почему вы назвали свою автобусную фирму "Летучие Корровы"?

ДЖОРДЖ: *(торжественно)* В честь папани моего! *(буднично)* Он воевал в ВВС во время войны. И на "ланкастерах" летал, и на "галифаксах", и на "стирлингах". Рассказывал, что двигатели гудят – хоть уши затыкай, самолеты без герметики, минус тридцать в кабине, у летчиков зуб на зуб не попадает, мозги насквозь промерзают. Писали они в такую трубочку, "лилия пустыни" ее прозвали. Каждому выдали комплект – сухое молоко, спасжилет... – ну, типа, если грохнешься и живой, чтобы продержаться...

ФЕЛИКС: И как? Помогало?

ДЖОРДЖ: А то! Гляди, Рози, – опять спрашивает! Разгон взят. Дальше-то будете слушать?

РОЗИ: Ну, давай.

ДЖОРДЖ: Чего с ним только не приключалось! У него было тридцать боевых вылетов, он летал с двумя заглохшими двигателями, а еще перевозил раненых и мертвецов. Из таких пике выходил, когда уж кажется – все кишки на штурвал намотались. А однажды он болтал с приятелем, тоже летчиком, и вдруг смотрит – а у того лицо превратилось в череп.

РОЗИ: Папа, не завирайся!

ДЖОРДЖ: Нет, ты дослушай! Этот чувак в ту же ночь отправляется на задание, и его сбивают – погиб. С тех пор папаня всегда мог заранее сказать, кто скоро погибнет. Ему мерещился вместо лица череп, так – проступал потихоньку. В конце концов, из армии его поперли, да еще опустили как могли. Мол, боевого духа у него не хватает. Это у моего папани! Суки.

*Джордж подходит к Феликсу.
Хватает его обеими руками за голову, сжимает лицо,
притягивает к себе, глядявается.*

РОЗИ: Папа, уймись! Ты пьян. Прекрати немедленно. Уходи.

ДЖОРДЖ: Нет, не видно черепа пока. Брехал про самоубийство, слабак.

Джордж отпускает Феликса, выходит. Пауза.

РОЗИ: Он шумный, но безвредный.

ФЕЛИКС: Да уж. (Пауза.) Рози...

РОЗИ: Нет, эта тема запретная.

Пауза.

ФЕЛИКС: Отец однажды сказал, что улей – это идеальный макет Утопии, где полностью отсутствует половое влечение. Видимо, он тогда об этом думал, и волновали его отнюдь не пчелы... Но, пожалуй, он был неправ. Мне кажется, улей – макет мира, в котором мужчины просто не нужны. Всю работу делают женщины, а мужчины – оплодотворили женщин, и всё... сразу умирают.

РОЗИ: По мне так отличная схема.

ФЕЛИКС: Я уж вижу.

РОЗИ: Феликс. Ты меня бросил. Что я, по-твоему, должна была сделать? В монастырь уйти?

ФЕЛИКС: По-моему, ты должна была мне сказать о...

РОЗИ: Ты не заслужил.

ФЕЛИКС: Но раньше ты была со мной откровенна.

РОЗИ: Знаешь, раньше моя жизнь была черно-белой. А теперь она разноцветная. Потому что у меня есть Флисси. Да мне, в сущности, наплевать, что ты обо мне думаешь. Я свою дочь вырастила одна. Я ею горжусь. И она – мой главный козырь. Я – живу правильно.

ФЕЛИКС: Не сомневаюсь.

РОЗИ: Вот и славно.

ФЕЛИКС: А почему ты снова захотела... со мной... Ведь захотела?

РОЗИ: Не знаю. Но не просто ради секса – если ты об этом. Не просто... С тобой вообще ничего не бывает просто так, Феликс.

ФЕЛИКС: А я тут... представил, что мы вместе... снова вместе...

РОЗИ: Зря время терял. Ты мне не нужен.

ФЕЛИКС: Понятно. Мудро.

Пауза. Потом оба улыбаются. Роза смотрит на часы.

РОЗИ: Мне пора – надо забрать Флисси от подружки. Она волнуется, если я опаздываю.

ФЕЛИКС: Ты, правда, назвала ее в мою честь? (*Пауза; Роза пожимает плечами*) Я пытался... весь этот месяц пытался представить, как я с ней знакомлюсь. Я ведь даже не знаю, какого роста семилетняя девочка. Как она выглядит...

РОЗИ: На тебя не похожа – если ты об этом. И на меня не похожа. Только на себя саму.

ФЕЛИКС: Нет-нет, я просто не знаю, как выглядят дети.

РОЗИ: Роста примерно такого. Мордочка в веснушках. Недавно выпал передний зуб. Коленки в ссадинах. Самая замечательная девочка на свете! Лучше не бывает.

ФЕЛИКС: Верю.

Феликс улыбается. Пауза.

РОЗИ: Она хочет знать, кто ее отец. Чем занимается, что любит... Это ей нужно, не мне. (*Феликс начинает было говорить, но Роза перебивает.*) Феликс, она – чудо. Когда она родилась, я начала писать дневник, с первого дня – чтобы всё зафиксировать... как заговорила, как научилась ловить мячик, а позже – завязывать шнурки, как с велосипеда сняли два боковых колесика – и она сразу поехала... Понимаю, тебе это неинтересно, со стороны, но...

ФЕЛИКС: Нет-нет, интересно! Открытия... Эврика.

РОЗИ: У меня теперь что ни день – эврика. Потому что у меня есть дочь.

ФЕЛИКС: Да.

РОЗИ: Я хочу, чтобы вы познакомились.

ФЕЛИКС: Зачем?

РОЗИ: Она к тебе душой прикипит...

ФЕЛИКС: Нет...

РОЗИ: Сначала не покажет, что полюбила, ни-ни, и тебе придется крепко потрудиться, но ты непременно ее обаяешь. Потому что у нее тысяча вопросов, и она жаждет ответов, жаждет понять, как устроен мир...

ФЕЛИКС: (*тихонько*) Если б я знал, как он устроен!

РОЗИ: Хочет выучить названия звезд, созвездий...

ФЕЛИКС: Это можно в книжках п-прочитать.

РОЗИ: Книжка – не отец.

ФЕЛИКС: Роза. От меня мало проку.

РОЗИ: Мало? Какой-нибудь наскребем.

ФЕЛИКС: Мало – считай никакого. Не буду тебя обманывать.

РОЗИ: Мне лучше знать.

ФЕЛИКС: Розы, я не могу... Прости. Но я обязательно дам денег...

РОЗИ: Слушай, Феликс, заткнись, а? Ты теоретик. А жизнь идет своим чередом. Неужели ты не понимаешь, ЧТО я тебе сейчас предлагаю? Не понимаешь, что щедрость моя безгранична? Я предлагаю тебе шанс – быть! Сбыться. Начать, наконец, жить.

ФЕЛИКС: Слишком поздно.

РОЗИ: Почему? Совершенно не поздно. Она еще ребенок. И если она готова встретиться с отцом, прожив без него семь лет, то и ты готовься. Хватит увиливать! *(подходит к Феликсу, обнимает его, целует в лоб)* Феликс, более щедрых предложений просто на свете не бывает.

Феликс кивает. Розы уходит. Феликс остается на месте.

ФЕЛИКС: *(тихонько репетирует, примеривая разные интонации – остается собой недоволен)* Феликсина. Флисси. Вот это – Кассиопея. А там – туманность Андромеды. И Пегасик. А вон – Большая медведица и Малая... конечно, раз есть большая, должна быть и малая...

Входит Флора.

ФЛОРА: Что, сам с собой разговариваешь? Где Джордж?

ФЕЛИКС: Не знаю.

ФЛОРА: Розы ушла уже?

ФЕЛИКС: Да.

ФЛОРА: Вот как... Мурзику лучше. Успокоилась, слава богу.

ФЕЛИКС: Я уезжаю, мама. Сегодня.

ФЛОРА: Понятно.

ФЕЛИКС: Надо как-то мозги в порядок привести.

*Феликс ставит горшочек с прахом на землю.
Достаёт из кармана письмо. Протягивает матери.*

ФЛОРА: Что это?

ФЕЛИКС: Сегодня п-пришло. Я тебе сразу хотел отдать, но как-то не сложилось.

ФЛОРА: Отцу адресовано?

ФЕЛИКС: Да. Я прочитал. Надеюсь, ты не против.

ФЛОРА: Что там?

ФЕЛИКС: Это из Королевского общества энтомологов.

ФЛОРА: А-а, ну я потом посмотрю.

ФЕЛИКС: Нет, сейчас.

*Флора достает письмо из конверта. Читает.
Феликс наблюдает за ней неотрывно. Она складывает письмо и
убирает его обратно в конверт.*

ФЕЛИКС: Ты ошиблась на его счет. След он оставил. Пусть маленький, но отчетливый. Свой. *(поворачивается, хочет уйти)* Кстати, мама, помнишь, ты рассказывала, как стояла и махала мне вдогонку, когда я в п-первый раз п-пошел в школу? Махала, п-пока я не превратился в точку. И п-потом, когда я совсем скрылся...Ты главное забыла, мам: я ведь не оглядывался. Я ни разу не оглянулся.

*Возможно, он делает шаг к горшочку, хочет забрать, но потом,
передумав, просто идет к дому. Флора смотрит ему вслед.*

ФЛОРА: Феликс!

*Он не оглядывается. Она остается одна. Осторожно поднимает
горшочек и на миг прижимает к себе. Входит Джордж.*

ДЖОРДЖ: Вот ты где, зайчишка. А я-то тебя ищу везде. *(Флора аккуратно ставит горшочек на ступени улья, на Джорджа почти не смотрит)* Что с тобой, зайка? Что еще приключилось?

ФЛОРА: Джеймс перед смертью открыл новый вид пчел.

ДЖОРДЖ: Да ну?

ФЛОРА: Пришло официальное письмо с подтверждением.

ДЖОРДЖ: Это же здорово!

ФЛОРА: Жаль только, письмо опоздало. Он его так и не прочитал.
Признание заслуг... посмертное...

ДЖОРДЖ: Да, жаль.

ФЛОРА: Он об этом мечтал: открыть новый вид. Говорил, что для пчеловода нет большего счастья. Чтобы твое имя осталось в людской памяти, на века.

ДЖОРДЖ: Вот и сбылась мечта.

ФЛОРА: Этот вид – родственник садового шмеля, *Bombus hortorum*, только матка помельче и постройнее.

ДЖОРДЖ: (*пытаясь ее развеселить*) Совсем как ты?

ФЛОРА: В том-то и дело... Джеймс назвал новый вид не в свою честь. В мою. *Bombus floratum*. Флорин шмель. Пчелка по имени Флора...

ДЖОРДЖ: Ну что сказать? Молодец мужик. Разбирается в красоте.

ФЛОРА: Я не могу за тебя выйти...

ДЖОРДЖ: За-а-айка!

ФЛОРА: Прости. Мне очень жаль.

ДЖОРДЖ: Ты чего это такое говоришь?

ФЛОРА: Это будет неправильно.

ДЖОРДЖ: Чушь свинячья.

ФЛОРА: Наши семьи друг друга ненавидят.

ДЖОРДЖ: К черту семьи.

ФЛОРА: И я... несвободна. Я замужем.

ДЖОРДЖ: Значит, будем жить во грехе. Ну, иди ко мне...

ФЛОРА: Нет, Джордж.

ДЖОРДЖ: Ты сама говорила, одного Джеймса тебе мало...

ФЛОРА: Говорила. Но и тебя одного мне тоже мало. Прости. Я ужасная, неблагодарная женщина, и мне всегда всего мало.

ДЖОРДЖ: Я заменю тебе всех! Я только набираю обороты!

ФЛОРА: Всё неправильно. Всё. Я здесь, с тобой. В этом саду. С тех пор, как умер Джеймс, всё пошло наперекосяк.

ДЖОРДЖ: Мы не станем тут жить. Переедем в другой дом. В другой город.

ФЛОРА: Неужели ты не понимаешь: пока нас было трое, все было прекрасно. У каждого – свое место. А теперь... равновесие нарушилось.

ДЖОРДЖ: Ты немножко запуталась. Вiniшь себя во всем.

ФЛОРА: Да.

ДЖОРДЖ: Ну, я же все понимаю.

ФЛОРА: Нет, не понимаешь. У меня такое чувство, словно я прожила какую-то игрушечную жизнь. Всё понарошку, как в кукольном домике. Но я-то не кукла. Всегда пыталась вырваться... жить по-настоящему... да так и не смогла.

ДЖОРДЖ: Мы сможем, вместе... Когда Мери умерла, я вообще не мог... ничего не мог делать...

ФЛОРА: Да. Бедняжка Мери. Настродалась она.

ДЖОРДЖ: Еще как, упокой господи ее душу. Через что прошла – врагу не пожелаешь. Но, Флора, как я с ней жил – это ж тоска смертная! Нет, дурного слова не скажу, но и веселого мало... Зато с тобой я как будто на крыльях, как будто, как будто...

ФЛОРА: (*прерывает его*) Обойдемся без красивых слов. В нашем возрасте они звучат пошло.

ДЖОРДЖ: Вовсе не пошло... Почему ты меня гонишь? Чего ты хочешь?

ФЛОРА: Ничего. Для разнообразия. Я всегда чего-то хотела, а зачем? Но я исправлюсь.

ДЖОРДЖ: Фигня какая-то...

ФЛОРА: Джордж. Я старая. Скоро буду вся в морщинах. Даже пчелиное молочко не поможет.

ДЖОРДЖ: Ты – самая красивая!

ФЛОРА: Не в красоте счастье. Она обманчива... Красота – шутка природы, злая шутка. С самого детства чего-то ждешь: ты избрана, и с тобой вот-вот случится чудо. Я аж дрожала от нетерпения, вибрировала, как натянутая струна... как миллион натянутых струн... Тебе знакомо такое чувство?

ДЖОРДЖ: Не понял...

ФЛОРА: Я не умею описать... Вот Джеймс умел. Умел подобрать нужные слова.

ДЖОРДЖ: Ты нас это... не сравнивай. Сама обещала.

ФЛОРА: Я и не сравниваю. Это невозможно. Вы оба не выдерживаете сравнения. (*смеется*) Джордж, ты – настоящий мужик, живой! Когда у нас с тобой началось, я почти подыхала, но вспомню о тебе – вот тут что-то ёкнет, торкнет, вздрогнет, и сразу жить хочется... Но тебя слишком много... Ты как глыба, из которой еще не вытесали... Тебе не хватает – точности, что ли... Но это, как ты говоришь, не играет значения.

ДЖОРДЖ: Играет. Я изменюсь. Станут таким, как ты хочешь.

ФЛОРА: Слишком поздно. Молоко скисло.

ДЖОРДЖ: Не выдумывай. Ты просто расстроена. Тяжелый день...

ФЛОРА: Я не расстроена. Я разочарована. Необратимо.

ДЖОРДЖ: Флора. Прошу тебя. Умоляю. Я не смогу без тебя. Любимая, мы вырулим, обещаю!

Джордж практически на коленях.

ФЛОРА: (*жестко*) Джордж, мы себя обманывали. Хватит.

ДЖОРДЖ: Я не обманывал!

ФЛОРА: Придумали себе этот роман, со всеми атрибутами.

ДЖОРДЖ: Придумали? Да я никогда никого так...

ФЛОРА: Всё это пошло. Всё, с начала до конца.

ДЖОРДЖ: Нет! Я люблю тебя... Ну пожалуйста, поверь... Зайка... зайчишка...

*Входит Феликс в спортивных штанах, в которых он был в первой сцене.
Он понимает, что не вовремя. Он смущен.*

ФЕЛИКС: Простите. Не буду мешать... я тут оставил кое-что... забыл...

ФЛОРА: Вот он, здесь. (Флора кивает на горшочек с прахом. Феликс идет его забирать.) А поезда-то ходят еще?

ФЕЛИКС: Вряд ли, час поздний. Я возьму папину машину, если ты не против?

ФЛОРА: Конечно, бери.

Джордж начинает неудержимо хохотать.

ДЖОРДЖ: Гип-гип-ура!

ФЕЛИКС: Что?

ДЖОРДЖ: Вот он. Победитель. С кубком. А в кубке...

ФЕЛИКС: Всем до свидания.

ДЖОРДЖ: (едко) Ага! До свиданьица. Нагадил – и в кусты.

ФЛОРА: Джордж.

ДЖОРДЖ: Скажу тебе правду и денег не возьму. Я рад, что ты не мой сын.

Феликс ставит горшочек с прахом обратно на ступени улья.

ФЛОРА: Феликс не виноват.

ДЖОРДЖ: Пчелиное отродье... Ублюдок... Трутень...

ФЛОРА: (Феликсу) Мы с Джорджем расстаемся.

ДЖОРДЖ: Ну что, счастлив? Испоганил всем жизнь и счастлив?

ФЕЛИКС: Нет.

ДЖОРДЖ: Розы-то моя права. Мы для вашей семейки рылом не вышли. Не дотягиваем до планки.

ФЛОРА: Неправда.

ДЖОРДЖ: А наследник твой – самый из вас крутой. Высокого полета птица! Смотри, орел, падать больно будет. Ты вообще в курсе, как кончил Икар? Ничего, что я тут со своими литературными примерами? Не шокирую? Уж простите-извините, перепрыгнул планочку-то вашу – сам не заметил как...

ФЛОРА: Джордж...

ДЖОРДЖ: У Икара этого папашка был – не помню, как звали, но пчел, небось, разводил на досуге, старый пердун.. Значит, решили они полетать, как птички, в небо их потянуло, навроде тебя. Крылышки смастерили из перьев, а скрепили их воском из своих гребаных ульев – вот таких, один в один...

ФЛОРА: Вообще-то мы знакомы с этой историей.

ДЖОРДЖ: Не перебивай меня, Флора, я же полным ходом, газую. Короче, сварганили они крылья из перьев, воска и всякого пчелиного дерьма, и этот Икар – дружба́ны его звали Ика-заика... Взмыл, значит, наш Икоткин в небо – и прямо в солнце впечатался, со всей дури!

ФЛОРА: Джордж...

ДЖОРДЖ: Так вот, трутень, давай и ты к солнышку, прямиком. Не сомневайся. Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших крыл...

ФЛОРА: Думаю, тебе пора.

ДЖОРДЖ: Ты красивая женщина, Флора, но есть у тебя один изъян. Ты, прости уж, все делаешь через задницу. Живешь через задницу. А хочешь нюхать розы. Так не бывает.

Феликс подходит к Джорджу, берет за локоть.

ФЕЛИКС: П-пожалуй, всё. Наговорился.

ДЖОРДЖ: А чё, хорошо сказал! Сам проникся. (*грубо стряхивает руку Феликса*) Ухожу. Ушел.

Джордж направляется к воротам. Он вроде бы спокоен, но дойдя до места, где на заборе закреплены все садовые инструменты, срывает с крюка мотыгу, разворачивается и бросается на Феликса. Феликс хватая садовую табуретку, использует как щит. Они бегают по саду, перепрыгивают через стол, кружат вокруг гамака, используя в драке все, что подвернется под руку – лопату, совок, вилы, секатор... Возможно, в какой-то момент Флора пытается облить Джорджа водой из лейки. Следующий разговор происходит на фоне этой потасовки.

ДЖОРДЖ: Вот так! Получи, выродок!

ФЛОРА: Джордж, перестань! Хватит! Уймись!

ДЖОРДЖ: Ага, горазд драпать-то! Не мужик!

ФЕЛИКС: Прекратите! Я не готов...

ДЖОРДЖ: Неплохо для жиртреста. Ну, еще! Еще чуть-чуть! Ну же, Ика-заика, взлетай, пора!

ФЛОРА: Джордж, прекрати балаган!

Внезапно Феликс атакует. Но Джордж сильнее – он берет верх. Феликс задыхается, ловит ртом воздух.

ФЕЛИКС: Всё. Не трогайте меня.

ДЖОРДЖ: Так и знал – слабак! Не сдюжишь.

ФЕЛИКС: Не сдюжу.

Джордж надвигается на него.

ФЛОРА: Нет! Не трогай его! Не смей!

Неожиданно Джордж замирает.

ДЖОРДЖ: Что за хрень...

Он начинает, как безумный, размахивать руками. Появляется садовник Джим. Феликс его видит, а Флора и Джордж на него не смотрят. Джордж отчаянно отмахивается от напавшей на него пчелы.

ДЖОРДЖ: Уйди, тля! Ты же говорила, их тут нет больше! Тварь!
(Отбиваясь, Джордж мечется по саду, но пчела не отстает.)

ФЕЛИКС: (глядя на Джима) Они вернулись.

ДЖОРДЖ: Флора, сделай же что-нибудь!

ФЕЛИКС: Пчелы вернулись!

ДЖОРДЖ: Брызни на нее! Пшикни чем-нибудь!

ФЕЛИКС: Да здравствуют п-пчелы!

ФЛОРА: Не маши руками – опасно!

ДЖОРДЖ: Стоять и ждать, что ли?

ФЛОРА: Они жалят агрессора.

ДЖОРДЖ: Эта гадина меня искушает!

ФЛОРА: Так уходи! Сколько повторять-то? Уходи!

ДЖОРДЖ: Спасите!

*Джордж дает дёру, весьма незелегантно. Пчела летит следом.
Флора по-прежнему стоит спиной к Джиму.*

ДЖИМ: И королева следом.

*Флора неожиданно слышит голос Джима.
Замирает, не оборачивается.*

ФЛОРА: Что?

ДЖИМ: Это матка. Королева улья. Маленькая, но палец в рот не клади!

ФЛОРА: Боже...

ФЕЛИКС: Ты его слышишь? Мама! Ну, скажи – слышишь?!

Флора кивает.

ДЖИМ: Она тут одна и осталась. У остальных кончились взмахи крыльев.

ФЛОРА: И они упали на землю...

ДЖИМ: Как на роду написано.

ФЕЛИКС: Оглянись, мама. Посмотри на него.

ФЛОРА: Он здесь?

ФЕЛИКС: Он все лето был здесь, со мной. В саду.

ФЛОРА: Господи...

ФЕЛИКС: Я навел телескоп на пустоту в небе, а там звезда – совсем новая, невиданная...

*Флора медленно оборачивается. Смотрит на Джима.
Музыка начинается еле слышно, потом нарастает.*

ФЛОРА: Джеймс.

ФЕЛИКС: Видишь его?

ДЖИМ: *Bombus Floratum.*

ФЛОРА: Да!

ДЖИМ: Флорин шмель. Хорошее название?

ФЛОРА: Очень.

ФЕЛИКС: Он со мной все лето. Но я не знал, как...

ДЖИМ: Флора.

ФЛОРА: (*Джиму*) Я тогда с первого взгляда... помнишь?

ДЖИМ: Да.

ФЛОРА: Я поняла, что ТАК на меня больше никто, никогда смотреть не будет.

*Их реплики слегка накладываются –
они говорят, перебивая друг друга.*

ДЖИМ: Я только экзамен сдал...

ФЛОРА: ... вышел с биофака...

ДЖИМ: ... экзамен был по ботанике... про цветы...

ФЛОРА: ... про опыление цветов...

ДЖИМ: ... и вдруг я вижу тебя. И вокруг головы у тебя нимб – так лучи падают...

ФЛОРА: ... и ты идешь ко мне – прямо через улицу – и мантия развевается на ветру...

ДЖИМ: ... мне кажется, что я лечу...

ФЛОРА: ... и ты на меня так смотришь...

ДЖИМ: ... я на тебя так смотрю...

ФЛОРА: ... и ты говоришь...

ДЖИМ: ... "Вы к нам с неба упали?"

Пауза.

ФЕЛИКС: (*тихо*) Эврика.

*Феликс смотрит на них поочередно.
Они поглощены друг другом. Идут друг другу навстречу.*

ДЖИМ: Моя Флора.

ФЛОРА: Джеймс Гамбл. Знаток всех цветов... (Феликс в стороне; спотыкаясь, уходит.) Джеймс, прости меня... прости...

ДЖИМ: (Флоре) Тссс. Я должен рассказать тебе про цветы. Про все цветы, которые я вырастил... для тебя... целый сад.

ФЛОРА: Ага! Скажи, как что называется.

Джим перечисляет цветы. Флора начинает тихонько плакать.

ДЖИМ: *Papaver Dubium*.

ФЛОРА: Мак?

ДЖИМ: Мак сомнительный. Но без сомнения помогает заснуть. *Dianthus Barbatus* – гвоздика яркая. Яркая, но успокаивает.

ФЛОРА: Да, помню.

ДЖИМ: *Mimosa Sensitiva* – мимоза стыдливая. Стыдиться нечего – прекрасный аромат. *Zinnia elegans* – цинния изящная. Изящна, как моя Флора.

ФЛОРА: А подсолнух? Хочу подсолнух!

ДЖИМ: Все, что пожелаешь! *Helianthus Multiflorus*.

ФЛОРА: А любовное зелье?

ДЖИМ: Любисток! *Levisticum*.

ФЛОРА: А молодильное?

ДЖИМ: Он же очиток едкий. *Sedum acre*. Съедает морщины, заменяет румяна.

ФЛОРА: Зверобой...

ДЖИМ: ... продырявленный, *Hypericum perforatum*, бьет тоску наповал. *Lythrum salicaria* – плакун-трава, тяжесть с души снимает, и *Oenothera biennis* - вечерняя примула, дарит покой...

ФЛОРА: Еще колокольчики.

ДЖИМ: *Campanula rotundifolia*. Расцветают весной, как надежда в сердце.

ФЛОРА: Хочу пахучих цветов... Хочу ароматов!

ДЖИМ: Изволь! *Lavandula spica* – лаванда голубая и белая. *Passiflora caerulea* – страстоцвет. *Dianthus deltoides*, *Syringa vulgaris* – гвоздика и сирень, очень сильные, сладкие запахи. Жимолость – ее любят мои пчелы. А для бабочек – буддлея, бабочковый кустарник. Еще клематис, гиацинт, бархатцы, шафран. *Aster multiflorus* – астры. *Amaryllis aurea* – амариллис золотистый. Ну как, пахнут?

ФЛОРА: Да. Да, чувствую! Какой аромат...

ДЖИМ: Вот и славно.

Он собирается уйти.

ФЛОРА: Куда ты, Джеймс? Пожалуйста, не уходи!

ДЖИМ: Всё, пчел больше нет. Одна матка осталась. *Bombus Floratum*. Королеве придется пережить зиму в одиночку, но она справится. Она сильная.

ФЛОРА: Нет. Не смогу.

*Он подводит ее к розовому кусту, наклоняется, нюхает.
Жестом приглашает ее сделать то же самое.
Флора глубоко вдыхает запах роз.*

ДЖИМ: Ну, вот так-то лучше.

ФЛОРА: Да.

*Джим выходит, а улей в это время словно вспыхивает – и гаснет.
Флора поднимает голову. Музыка внезапно превращается в резкое гудение пчел и шум автомобильного мотора. Флора трясет головой, зажимает уши руками.*

ФЛОРА: Я не смогу! Не переживу зиму одна. Феликс! Феликс, боже мой, подожди! (бежит к воротам; появляется Феликс) Я боялась, что ты уже уехал... или...

ФЕЛИКС: Как раз машину заводил.

ФЛОРА: Мне вдруг почудилось... Будто ты что-то ужасное над собой сделал. Прости меня, глупую...

ФЕЛИКС: Ну, какая же ты глупая? Я и в самом деле подумывал. В начале лета. Но смелости не хватило.

ФЛОРА: Слава богу!

ФЕЛИКС: Теперь мне хочется жить п-по-другому, мама...

Пауза. Феликс берет в руки горшочек с прахом.

ФЛОРА: Скажи... Ты ведь умеешь найти нужное слово. Всегда умел.

ФЕЛИКС: *(с трудом)* Однажды мы вместе смотрели, как астронавты п-приземляются на Луну, и п-папа заплакал. В ту ночь он вселил в меня эту мечту – мечту о п-полете. Он держал меня за руку, и я понимал, что всё смогу. Смогу преодолеть земное притяжение и взлететь. В ту ночь папа плакал. А в день, когда он умер, плакало солнце. Слезами из пчел. *(Он снимает крышку с горшочка.)* Я отпускаю отца в полет. В космос, к звездам... **Пускай летит – сквозь черную дыру, за горизонт, в неведомую даль, к бессмертию и за пределы мира. Пусть, убаюкан пеньем херувимов, откроет новый мир – как всех событий открыл причину. Дальше – тишина.**

ФЛОРА: **Там будет лучше...**

ФЕЛИКС: **...там ему земля пребудет воском, жимолостью, медом...**

Феликс развеивает прах. Они молча смотрят, как одни частицы пепла уносит ветер, а другие оседают на землю.

ФЕЛИКС: Вот и всё.

ФЛОРА: Да. *(оба в секундном замешательстве)* Все-таки уедешь?

ФЕЛИКС: Да, сейчас поеду.

ФЛОРА: Уже темнеет. Может, переночуешь, а с утра уж и в путь? К тому же, ты голодный...

ФЕЛИКС: *(с легким раздражением)* Мама.

*Флора смотрит на Феликса, возможно, легонько, без нежностей
касается его руки.*

ФЛОРА: Ну, тебе видней...*(поворачивается, чтобы уйти в дом)* Не рассчитывай, что я буду стоять и махать, пока ты не станешь точкой на горизонте.

Феликс улыбается. Вдали слышно гудение пчел.

ФЕЛИКС: Не стой.

*Флора улыбается. Уходит. Феликс один в уже темном вечернем саду.
Он замирает. Сглатывает слезы. Улыбается.*

ФЕЛИКС: Просто будь.

Свет гаснет.